

"Номер 1027 (СИ)"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Владислава Сказова

Номер 1027

Глава 1

— Номер?

— 1027.

— Возраст?

— 17 оборотов Земли.

— Род деятельности?

— Учащаяся.

Допрашивающий эксперт повернулся к моей сестре, сопровождавшей меня сюда. Конечно, предпочтительнее было бы присутствие всех родственников обследуемой, но дела родителей не позволили им найти для этого времени. Вот уже три часа мы находимся в этом медицинском учреждении, где мне предстоит пройти обследование. За это время я уже успела сдать все необходимые анализы, меня осмотрели, взвесили, замерыли. Подошла очередь личной беседы со специалистом. От неё и зависит решение комиссии. Без сомнения он вытянет из сестры все сведения о моей проблеме, и одного этого хватит для принятия решения, не самого лучшего для меня.

— Итак, кем вы приходитеесь для номера 1027?

— Сестрой.

— Ваш личный номер?

— 1002.

— Замечали ли вы когда-нибудь в поведении номера 1027 что-то наводящее на мысль о её неадекватности? — Эксперт уставился немигающим взглядом на мою сестру. Она помолчала, обдумывая, как лучше рассказать о всех моих чудачествах, и не торопясь, очень обстоятельно, ничего не утаивая, как и полагается добропорядочной дэрокхэрии, стала излагать свои наблюдения:

— 1027 всегда была очень странной. Ещё, будучи совсем маленькой, в её поведении были странности. У нее на лице постоянно была какая-то странная мимика. И еще она была очень

шумной, все время гукала. Стоило какому-нибудь человеку подойти к её кровати, она тянула к нему руки и начинала издавать какие-то звуки, судя по всему несущие приветственный смысл. Она привязывалась к людям проходящим в наш дом, а когда родители уходили, начинала громко кричать. Тогда наша семья обратилась к детскому специалисту и для ребенка прописали какое-то успокоительное средство. Мы соблюдали все предписания, и она стала вести себя абсолютно нормально. Но когда ей исполнилось 10 лет, родители решили вывести из дома лишний хлам. Среди прочего оказались и старые игрушки моей сестры. Когда она не нашла в своей комнате этих игрушек она стала кричать и даже... Мне не хотелось бы говорить наверняка, может причиной послужило вовсе и не отсутствие игрушек, но...

— Смелее, номер 1002, — эксперт явно не одобрял нерешительность моей старшей сестры.

— Так вот, 1027 плакала.

— Плакала? — Кажется, эксперт был озадачен. Он на мгновение прикрыл глаза, обдумывая услышанное, но потом попросил мою сестру продолжить.

— В тот раз мы снова вызвали специалиста, и с помощью каких-то лекарств её удалось успокоить. Уже тогда стало понятно, что с номером 1027 не все в порядке. Однако потом она, казалось, успокоилась и стала вести себя как другие дети в её возрасте. Она читала предписанные для ее возраста книги, решала математические задачки. С интеллектом у нее проблем нет. У нее очень высокие показатели по успеваемости. Мы посчитали, что все проблемы номера 1027 остались в прошлом. Но вчера ее странности снова дали о себе знать.

— Каким же образом?

— Видите ли, вчера на 67-ой улице произошла авария. Столкнулись два этаномобиля. Лицей, где учится сестра, находится на этой же улице. В момент происшествия она как раз выходила из здания и стала свидетелем столкновения. Не знаю, что так повлияло на нее, но она пришла домой и, ни слова ни сказав, прошла в свою комнату, где просидела до самого утра. Когда же утром она вышла, глаза у нее были странно красные, а само лицо бледное. У нее бал очень болезненный вид. Да и за завтраком, рассказывая о том, что вчера увидела, голос у нее как-то странно дрожал. Родители посчитали, что стоит показать её специалистам.

— А ваши родители понимают, каковы будут наши действия в случае выявления у вашей сестры недуга? — Эксперт выжидающе уставился на мою сестру, но та не высказала ни тени замешательства:

— Конечно, они прекрасно осознают всю необходимость подобных действий. Государство должно делать все, чтобы поддерживать чистоту населения.

— То есть ваша семья подпишет все документы, необходимы в данном случае? — Сестра утвердительно кивнула. — Ситуация осложняется тем, что номер 1027 еще не достигла совершеннолетия, поэтому прежде чем что-либо предпринимать нам придется дождаться пока ей исполнится 18. Когда у нее день рождения?

— Через три оборота солнца вокруг своей оси, — добросовестно доложила сестра. Я не могла отвечать на вопросы не заданные непосредственно мне. Я могла лишь молча ждать решения эксперта.

— Три оборота? Что ж, это недолго. — Он что-то быстро забил в свой компьютер. После внимательно посмотрел на меня. — 1027, вы понимаете, что своим поведением вы вынуждаете признать вас тчэркхери? Впрочем, осталось подождать ответов других специалистов. Решение по вашему случаю вынесут через 30 минут. Оставшееся время вы можете подождать в специальной комнате для посетителей. Сюда, пожалуйста. — жестом указав на дверь за своей спиной, эксперт вновь устался в монитор собственного компьютера. Мы с сестрой молча покинули его кабинет.

Час спустя я сидела в небольшой комнате с белыми стенами, без окон, но с узкой кроватью и небольшой тумбочкой. Всё, больше ничего. Хотя нет, в тумбочке лежали пластмассовая расческа и полотенце — все стерильно белого цвета, все одноразовое. Через три дня, когда я покину это помещения, эти вещи будут уничтожены, как и та пижама, что мне выдали. Меня признали тчэркхери, и посему через три дня меня уже не будет.

В нашем могущественном и великом Государстве очень следили за чистотой генетической линией. Любой индивид, не отвечающий принятому стандарту, ликвидировался. Подобной тактики придерживались уже не одно столетие, и это позволило человечеству избавиться от целого ряда заболеваний. Никаких эпидемий и пандемий. Наши врачи занимаются в основном механическими повреждениями, полученными вследствие несчастных случаев, и лечат их успешно: к настоящему моменту были созданы препараты, значительно повышающие скорость регенерации. Можно сказать, что мы победили природу и теперь сами управляем своим здоровьем. Вот только мой случай наглядно демонстрирует, что в чем-то мы всё также бессильны. Да мы лечим физические недуги, но с психическими расстройствами мы справиться пока не можем.

Если верить старым книжкам, ещё лет триста назад моё поведение не посчитали бы странным. Да что говорить, герои романов вообще вели себя совершенно неадекватно: смеялись, рыдали по поводу и без, на их лицах были какие-то гримасы, призванные выражать чувства, терзающие их души. Вы только вдумаетесь: ЧУВСТВА! Наши предки постоянно испытывали какие-то эмоции и при этом считали себя абсолютно здоровыми. Я до сих пор не могу понять, как они умудрялись что-то создавать или заниматься какой-то интеллектуальной деятельностью, если их мозг постоянно был занят каким-то посторонними мыслями, сопутствующими все эти эмоции. Надо сказать, наши историки-аналитики вообще считают, что деятельность наших предков была на редкость неплодотворной и виной тому — эмоции. Только с приходом к власти первого поколения роботов GKS в мыслях людей установился порядок. На то, чтобы люди максимально приблизились к роботам, потребовалось полтора века, но с этого момента люди перешли на новый уровень, теперь мы способны отдаваться делу полностью, не отвлекаясь на ненужные переживания. Вот только к этим «мы» я больше не отношусь. Меня отбраковали и через трое суток утилизируют, ведь я тчэркхери, или, как сказали бы раньше, умалишенная.

К сожалению, мой недуг никак не лечится. В ходе взросления, каждый ребёнок усваивает определенную модель поведения и видение мира, полностью исключая какие-нибудь эмоции. Обычно годам к семи дети уже во многом напоминают взрослых — такие же спокойные, равнодушные и рациональные. Если ребенок неуравновешен и порой ведет себя

неадекватно, как это было со мной, ему выписывают антипсихотические и седативные препараты. Иногда это помогает, иногда нет. В таком случае заботу о несовершеннолетнем на себя берет государство. Ребёнка забирают из семьи и до восемнадцатилетия его содержат в специальном учреждении, полностью изолировав от здорового населения. По достижении совершеннолетия человека признанного тчэркхери подвергают эфтаназии. Процедура достаточно гуманна: один укол — и заснув, индивид уже не проснется.

Вчера, когда родители сказали, что мне необходимо незамедлительно пройти комиссию, я заранее понимала, что мои шансы близки к нулю. Щё до того, как сестра поведала эксперту о моих чудачествах, у него уже, казалось, поставил диагноз. И дело не в том, что я как-то странно повела себя у него в кабинете, просто моя внешность сразу настраивает людей против. Дело в том, что в процессе эволюции выработался определённый типаж. Как бы его подходчивее обрисовать? Эталоном у нашей расы считается человек, лишенных каких бы то ни было отличающих его от других людей признаков. То есть идеальный человек имеет рост примерно 170–175 сантиметров худощав, светлокож, волосы длиной до... впрочем длина волос не оговаривается. Главное чтобы волосы были распущены и свисали ровными длинными прядками. Цвет волос варьируется от совсем белого до светло-русого. Мужчины и женщины похожи по сложению (я не имею в виду анатомические особенности, определяющие половую принадлежность). Говорят, раньше считалось модным для мужчин иметь рельефную мускулатуру, а для женщин — большую грудь. Некоторые из наших предков даже специально делали пластические операции, чтобы соответствовать этой моде. Ну и странные же вкусы у них были! Сейчас большая грудь — уродство, с которым девушки пытаются бороться кто как может. Кто-то ограничивает себя в еде в надежде, что с лишним весом уйдут и излишки на груди, кто-то просто туго перетягивает неустраивающую часть тела. Возможно, проще было бы просто сделать операцию и исправить все огрехи природы, но с приходом к власти роботов был издан закон, запрещающий что-либо менять в собственной внешности. Правительство отслеживает тенденцию эволюционирования человеческого вида, чтобы вовремя внести свои коррективы. Вносить изменения в собственную внешность разрешалось лишь в крайнем случае и разумеется только с согласия комиссии.

Надо сказать, что мне не повезло во всем пунктам... Грудь у меня немаленькая, и избавиться от нее не помогают ни диета, ни тугой бандаж. Однако последний хотя бы помогает, сделать моё уродство не столь заметным. Ростом я тоже не вышла. Во мне 165 сантиметров. Но хуже всего дело обстоит с волосами: выющиеся и... рыжие. В моём случае коменданту из службы надзора за внешним видом населения пришлось сделать исключение и обязать меня закалывать волосы в тугий пучок, а поверх накрывать это безобразие светлым платком так, чтобы ни один волосок не выглядывал наружу.

И даже теперь, сидя в этой комнате, мне приходилось придерживаться предписаний и убирать волосы. Интересно, а погребать меня будут так же, с платком на голове?

Мне осталось ещё двое с половиной суток. Оставшееся время нужно было провести с пользой, поэтому я постаралась подвести своеобразный итог. «Итак, скоро меня не будет, как единицы человеческого социума. Хорошо это или плохо? Для отдельно взятого индивида, для меня, конечно предпочтительнее пожить дольше, но если судить обо всем с точки зрения целого населения, то мой уход поможет нации совершенствоваться. Ради общего блага, необходимо жертвовать отдельными интересами. Значит, я должна ни минуты не сомневаясь, одобрить решение комиссии. Или не должна? А если бы мне дали возможность самой решить, жить мне,

вопреки мнению большинства, или умереть ради интересов государства, чтобы я решила? Нет, что за глупые мысли. Подобное не должно приходиться в голову. Наверняка, это следствие недуга. Мой мозг потерял четкость мышления и потому генерирует безумные идеи. Решение принято, я могу сопротивляться, но результат один — я еще больше продемонстрирую нецелесообразность собственного существования. Значит, наилучшим будет беспрекословное принятие мысли о собственной неполноценности, как единственно правильное. А потому...»

Я бы и дальше могла продолжить мысль и утвердиться в собственных выводах, но тут все здание сотряслось от сильного удара. Звон стекол оглушил, по стенам пошли трещины. Со стороны улицы послышались звуки, похожие на автоматную очередь. В здании запоздало включилась сирена, но уже через минуту её завывания заглушил включившийся аудиотранслятор. Механический голос сообщал, что неизвестные атакуют столицу нашего великого Государства с целью захвата территории, поэтому запрещается выходить на улицу, а тем, у кого имеется такая возможность, рекомендуется укрыться в подвальных помещениях.

Что происходит? Что за нападение? За всю историю существования нашего государства у нас никогда не было и нет врагов. Оппозиции у нашего правительства нет, да никто и не решится выступить против. Тогда кто? Ну не инопланетяне же? Как бы то ни было, надо попробовать найти кого-нибудь из бра персонала и выяснить, что мне делать: оставаться на месте или перебраться в другое помещение. Однако кнопка вызова персонала не работала, а когда я попробовала открыть дверь в коридор, оказалось, что механизм заело. Я оказалась заперта.

Так, стоит собраться и подумать, как сохранить себе жизнь на оставшиеся два с половиной дня. Где в этой комнате самое безопасное место? Главное, что бы в случае обвала не пострадала голова. Значит, стоит залезть под кровать и закрыть голову руками. Не прошло и минуты, как я воплотила план в жизнь. Как оказалось, сделала я это весьма вовремя. Здание снова сотряслось от удара и с потолка посыпались штукатурка. Свет в комнате потух — в дребезге разлетелся плафон. И тут произошло самое страшное: по потолку пошли трещины. Последнее, что я помню, это страшный грохот и мелькнувшая в голове мысль: «Все-таки обвалился».

Глаза никак не хотели открываться, а голова болела так, что казалось, вот-вот расколется надвое. Я постаралась вслушаться в странный шум раздающийся где-то поблизости, и с удивлением поняла, что это чьи-то голоса. Общались судя по всему двое, вот только язык на котором они говорили, был мне незнаком. Странная речь: какая-то гортанная и неровная. И собеседники постоянно меняют интонации, что тоже не свойственно людям. Мы говорим плавно, ровно — одно слово как бы перетекает в другое. Что же я пропустила? Я снова попыталась открыть глаза, и на этот раз мне это удалось.

На расстоянии вытянутой руки стояли два странных существа и судя по всему спорили. Они явно не заметили, что я пришла в себя, поэтому я постаралась внимательно изучить их. Чем-то они походили на людей, но хвосты с кисточкой на хвосте и длинные когти не оставляли никакой возможности принять их за *homo sapiens*. Кроме того, они были какие-то смуглые, и очень-очень высокие, около двух метров, а на лице одного из них даже росла борода. Наши мужчины никогда не отращивают бороду, считая это неэстетичным. А бородатый к тому же ещё и носил длинные иссиня-черные волосы, заплетенные в косу. Теперь я понимаю, почему роботы постарались свести на нет такой типаж: очень уж пугающе выглядят такие смуглые бородатые громалы. Второй же иноземец имел более привычную для меня внешность: волосы у него были светло-русыми, лицо чисто выбритым. Выглядел он немного моложе своего

собеседника, поэтому про себя я назвала одного Молодым, а другого — Бородач.

Вдруг бородач, словно почувствовав, что его разглядывают, повернулся в мою сторону и замолчал. Его спутник тоже уставился на меня. Они очень долго рассматривали меня. Не знаю, правильно ли я разглядела, но, кажется, их лица выражали какие-то эмоции, и среди них присутствовало изумление.

Первым очнулся Бородач. Он протянул ко мне руку и что-то сказал на своем языке. Естественно, я ничего не поняла, но судя по интонации, он о чем-то меня спрашивал. Не зная, чего от меня ждут, я просто промолчала. Молодой нахмурился и что-то сказал Бородачу, но тот никак не отреагировал и так и протягивал ко мне руку, продолжая что-то говорить. Наверное, его жест что-то в себе нас, но я решила рискнуть и осторожно дотронулась до его руки своей, правда потом быстро одернула её. Среди нас считалось неприличным без особой нужды дотрагиваться друг до друга, нам с ранних лет объясняли, что необходимо беречь собственное пространство. Не знаю, как у этих существ принято, но вряд ли им захочется продлить лишенный смысла телесный контакт. Лицо Бородача скривилось в непонятной мне гримасе. Бросив через плечо что-то своему товарищу, он приблизился ко мне и, ухватив за локоть, потянул вверх, помогая встать.

Оказавшись на ногах, я смогла в полной мере оценить рост туземцев. Мой нос находился где-то на уровне груди Бородача. Оценив ширину плеч противника, я пришла к выводу, что о побеге помышлять не стоит. Меня в два счета поймают, а возможно и пристрелят в наказание. Так стоит ли суетиться? Прейдя к таким неутешительным выводам, я решила не торопить события и просто плыть по течению. Ведь самое страшное это смерть, но меня и так к ней приговорили. Другое дело, что случиться это может на сутки-двое раньше, что впрочем, уже не так важно. Так что я окончательно пришла в себя и решила, пользуясь случаем, получше изучить своих новых знакомых.

К счастью, мой платок так и не слетел с головы. Одежда вроде бы вся цела, вот только местами испачкана. Но для пережившей обвал, надо сказать, я отделалась лишь легким испугом и парой синяков. Оглянувшись, я заметила, что койка, служившая мне прикрытием, валяется в стороне. Видно туземцы успели снять её с моего тела ещё до того, как я очнулась. Кстати, о туземцах. Бородач всё еще держал меня за локоть и пристально вглядывался мне в лицо с высоты своего роста. Я попробовала выдернуть руку, но он что-то пробормотал и для наглядности покачал головой, что видно служило отказом. Ну что ж, я как никак пленница и ни мне здесь устанавливать правила. Между тем, эти двое стали о чем-то оживленно совещаться, и судя по бросаемым в мою сторону взглядам, речь шла обо мне. Молодой что-то пытался втолковать Бородачу, но тот лишь качал головой, что приводило его собеседника в ещё большее негодование. Да, пожалуй, именно негодование, если я правильно различаю эмоции. Каким странным казалась манера этих существ транслировать на своем лице всё то, о чем они и так говорили. Зато мне, не знающей их языка, это пришлось очень на руку. Так я хоть как-то могла представлять, о чем речь.

Наконец, они решили двинуться с места, и я, ведомая все тем же Бородачом, пошла за ними. Судя по покрасневшему лицу Молодого и еще более угрюмому выражению лица Бородача, к общему мнению они так и не пришли.

Пока мы выбирались из здания, где меня содержали, точнее из его руин, мне не встретился ни один мой соплеменник. Повсюду была тишина. Город тоже представлял собой жалкую картину: повсюду развалины, осколки стёкол, искореженные этаномобили и ни одного человека. Город как будто вымер. Хотя нет, кое-где встречались живые существа, но это были отнюдь не люди. Скорее всего, соплеменники тех двух, что сейчас сопровождали меня. Во всяком случае, все признаки на лицо — а именно, хвосты, когти и смуглая кожа. Да и одежда выдавала в них пришельцев. Из каких-то неизвестных материалов, она словно вторая кожа обтягивала высокие фигуры чужаков. Все встреченные нами по дороге здоровались с моими конвоирами и странно косились на меня, впрочем, не выражая никаких признаков агрессии. Между тем, мы вышли на когда-то величественную главную площадь нашего города. Теперь она походила скорее на стоянку. По меньшей мере полсотни странных кораблей стояли на расстоянии десяти метров друг от друга. Наши конструкторы никогда не проектировали ничего подобного. Дисковидные, сплюснутые корабли из какого-то непонятного металла были выкрашены во всевозможные цвета. Тот, к которому направлялись мы, был выкрашен в темно-синий цвет, и на фоне стоящих рядом с ним светло-зеленого и василькового кораблей смотрелся мрачно и несколько устрашающе. Мне могло и показаться, но размерами он превосходил все остальные корабли. Приблизившись к этому техническому чуду, я разглядела небольшой трап, который опустился, ещё когда мы только подходили. Прежде чем ступить на трап я замешкалась, но жесткая рука не дала мне шанса на промедление и меня буквально втащили на корабль.

Вот так и началось моё приключение.

Глава 2

Ну и забросила же меня жизнь. Причем ни куда-нибудь, а на корабль пришельцев. Внутри оказалось довольно просторно, чего нельзя было ожидать, учитывая внешние размеры корабля. Однако пока мы шли по просторным коридорам, я насчитала уже дверей пятнадцать, скрывающих за собой надо полагать каюты. Даже если предположить, что они рассчитаны каждая на одного человека, масштабы все равно поражали. Однако подобный простор был вовсе мне не на руку. Дело в том, что вовремя обвала в лечебном корпусе, я лишилась обуви, а прогулка по разрушенному городу босиком помогла мне обзавестись несколькими довольно глубокими порезами. Первое время я пыталась отстраниться от неприятных ощущений. Подобной техники подавления болевой чувствительности нас обучает с трёх лет. Но, к сожалению, моё мастерство не настолько велико, чтобы блокировать центр боли длительное время. Последние пятнадцать минут моя воля подверглась серьёзному испытанию. Шли мои конвоиры довольно быстро, следовательно, и мне приходилось торопиться, чтобы не тащиться мешком за тянущим меня за руку Бородачом. Длинный подол моей туники скрывал ноги полностью, так что мои неприятности так и остались незримыми. Сама же я обращать чужое внимание на свои конечности не стала, полагая жалобы излишними в сложившейся ситуации. Быть может моё физическое благополучие вовсе и не входит в планы этих странных существ. Я вообще не понимала, зачем и куда меня ведут.

Между тем мы подошли к какой-то двери, на которой не было ни ручки, ни какого-либо выступа, позволяющего зацепиться и как-то потянуть дверь в нужную сторону. Однако инопланетянам это было не нужно. Бородач лишь прижал свою ладонь к гладкой поверхности, и та поехала в сторону, открывая проём. Меня втянули внутрь комнаты. И тут мне стало по-настоящему страшно. Если я до этого не очень понимала, для чего понадобилась этим существам, то теперь до меня дошла вся горькая правда. И теперь обещанная мне моими сородичами эвтаназия казалась величайшей милостью.

В каюте находился представитель всё той же странной иноземной расы, вот только возраста он был весьма преклонного. Кожа его на вид была сухая и кое-где собиралась в складки, образуя морщины. Волосы у него были длинными, вот только они уже успели полностью поседеть. Судя по обстановке каюты, он относился к медицинской братии — о роде его деятельности буквально кричало всё вокруг. На ближайшем к его креслу столике были разложены многочисленные скальпели, щипцы и зажимы. У стен каюты ютились многочисленные приборы, о назначении которых можно было только догадываться. В дальнем от двери углу был оборудован небольшой вольер, в котором сидело с десяток небольших животных, чем-то напоминающих наших кроликов. И если сопоставить всё увиденное, то вывод напрашивается один: На зверьках ставят эксперименты. Но видимо, теперь их замену я.

И точно, завидев нашу небольшую делегацию, врач спрыгнул со своего высокого кресла, устремился к нам навстречу. Рассматривая меня с величайшим интересом, он тем временем прислушивался к тому, что ему говорил Молодой. При этом, не отрывая от меня широко распахнутых глаз, он умудрялся что-то уточнять. Когда Молодой замолчал, в разговор вступил Бородач. Говорил он отрывисто и как-то очень... убедительно. Создавалось впечатление, что он отдает приказы. Видимо, то, что он говорил, удивило врача. Он попытался возразить, но его тут же оборвал Бородач новой репликой. Не знаю, в чем была причина спора, однако она, судя по всему, затрагивала меня. Между тем ученый снова переключился на меня. Он подошёл ко мне ещё ближе и стал заглядывать в глаза. Что-то пролопотал и выжидательно уставился на меня. Я никак не отреагировала. Тогда он сказал что-то ещё теперь гораздо медленнее и при этом протянул ко мне руку. Понятнее не стало. Ну что за существа, неужели для них физический контакт так важен, иначе с чего бы они все время стараются до неё дотронуться? Варварская раса. Протянутая рука так и осталась висеть в воздухе. Три пары глаз выжидательно уставились на меня. Я лишь пожала плечами. НЕ знаю, имеет ли это движение какой-то смысл у них, но выразить своё недоумение я никак иначе не могла. Пользоваться так свободно мимикой как они я не умела, да и вообще это считается дурным тоном. Но видно моя молчаливая пантомима помогла. На лице у Бородача появилась все та же гримаса, виденная мной прежде: уголки рта растянуты в стороны. Похожая была и на лице у врача, при этом он ещё старательно кивал, словно соглашаясь с какими-то собственными выводами.

Так, а это что? В руке у врача откуда ни возьмись появилась маленькая цилиндрическая трубочка, сужающаяся к концу. Она ещё и колется. Что это такое? Пробую отдернуть руку, куда пришёлся неожиданный укол, но её крепко держит подкравшийся Бородач. Да что же это... Эй, я не хочу засыпать... не хо...

Пришла я в себя быстро. Не знаю сколько, я была в отключке, но для меня все пронеслось за мгновение. Вот нестерпимо тянет спать, глаза смыкаются, и вот я уже очнулась. Все тот же медик, заглядывает мне в лицо, проводит ладонью перед моим лицом, довольно щурится и спрашивает на неожиданно понятном мне языке:

— Как себя чувствуешь? — Слух улавливает совершенно незнакомые мне сочетания звуков, но странное дело, я совершенно спокойно понимаю смысл вопроса. Заметив моё недоумение, врач охотно поясняет: — Мы вшили тебе под кожу автопереводчик, чтобы ты понимала нас. Вот здесь, на предплечье. — И вправду, чуть ниже локтя, нащупываю небольшой бугорок. Мня поспешили успокоить: — Не бойся, это совершенно безопасно. Понадобился лишь небольшой разрез. Правда, пришлось тебя на время усыпить, но это для твоего собственного блага. Ты не понимала, что мы пытаемся сделать, и могла ненароком себе навредить. Понимаешь? Если

переводчик работает исправно и ты все понимаешь — кивни. — Я послушна кивнула. — Ну вот, теперь тебе будет значительно проще. Хотя связь у нас получается односторонней. Тебя то мы понять пока не сможем. Мы ещё не изучили ваш язык, поэтому и автопереводчиков с вашего языка пока не изобрели. Придётся тебе выкручиваться самой. Ну я не знаю, жестами там, мимикой разной. — Я вскинула на него глаза. — Хотя с мимикой у вашего брата, скажем прямо, беда. Я как увидел твоих соплеменников впервые, думал роботы, а не живые существа. Даже когда город атаквали, хоть бы кто закричал. Все оставались такими невозмутимыми. Я уж не знаю, толи вы ничего вообще испытывать не можете, толи это у вас так принято. Нуда ладно. Надеюсь, ты, когда освоишься, мне всё-всё расскажешь. Ну да ладно, я тебя, наверное, совсем уболтал, но ты уж не обессудь: не каждый день мне доводится общаться с представителем инопланетной расы. — Я кивнула, тем самым показывая, что принимаю всё сказанное им к сведению. Покрутила головой в поисках ещё двух пришельцев, но в комнате мы были с доктором вдвоём. — Не ищи, я выставил их сразу, как только ты отключилась. Правда, Кайвир упирался, переживал, наверно, что я тут над тобой буду опыты ставить. Кстати, что с твоими ногами?

Ну и как же объяснить, что со мной приключилось? Жестами? Фантазии у меня для этого не хватит. Я просто пожала плечами. Но похоже, вопрос он задавал не ради ответа. На моё телодвижение он не обратил никакого внимания — в данный момент он всецело был занят разглядыванием моих стоп. Станный он. И кто их тех двоих Кайвир? Или это кто-то третий, чьё присутствие ускользнуло от моего внимания? А что, не мудрено. Я была совсем слаба, да и попытка закрыться от боли вымотала меня под конец. Между тем, док нанес мне на израненные ноги какую-то серебристую плёнку. Она была почти невесомой, но зато принесла ногам приятную прохладу. Я посмотрела в упор на доктора и указала пальцем на плёнку. Док правильно понял вопрос:

— Это дезинфицирующие пленки. Они не дадут ранам загноиться, а заодно снимут боль. Странно, как ты вообще сюда добрела с такими ногами. — Он подозрительно посмотрел на меня. — Ты не могла не чувствовать боль, но при этом даже не хромала. Может у вас такой высокий болевой порог? Но это же противоестественно. Все живые существа должны остро ощущать собственные повреждения. Это сигнал об угрозе существованию. Или ты настолько хорошо контролируешь себя, что в состоянии подавить свои ощущения? Я прав? Кивни, если это так. — Я кивнула. — Боги, что ты за существо! Как можно так издеваться над собственным организмом! Это же ненормально! — Док с минуту помолчал. Видно, какая-то мысль крутилась у него в голове, и сейчас он обдумывал, как бы половчее задать свой вопрос. — Скажи, а у себя, среди своих сородичей, ты считалась нормальной? Нет-нет, я вовсе не собирался тебя обижать своим вопросом. Просто мне как врачу, интересно, являешься ли ты среднестатистическим индивидом для своей расы. — Станный он. Почему же я должна обижаться? Что значит это «обижаться»? Возможно ещё какая-то эмоция? Ну да ладно. Стоит задуматься над его вопросом. Его вопрос показался мне вполне закономерным. Вот только, признав свою неадекватность, я сразу подписываю себе смертный приговор. Ведь я становлюсь непригодной даже для опытов. Что толку, если из-за неудачного экспериментального материала они придут к ложным выводам. Однако с мыслью о своей скорой кончине, мне хочется верить, я свыклась, так что признание по сути ничего не решит. Придя к такому выводу, я снова кивнула. Док стал расспрашивать:

— Что ты хочешь сказать? У тебя есть какие-то физические уродства? — Я покрутила головой из стороны в сторону. — Нет? То есть внешне, ты ни чем не отличаешься от своих сородичей? — Я задумалась. По правде говоря, с моей внешностью, отличаюсь и даже очень.

Наверно, всё-таки отличаюсь. Пришлось снова кивнуть. Похоже мой ответ вызвал у дока... огорчение. Мне сложно судить об эмоциях этих существ, поэтому за точность своих наблюдений ручаться не берусь.

Док принялся меня пристально рассматривать. Кажется, он пытался выявить мой дефект и ему это ни как не удавалось. Придется помочь, хоть и не хочется показывать свою уродство. Я махнула рукой, привлекая внимание дока, и указала на свою голову, всё ещё обвязанную платком. Док потянул было руку к платку, но тут дверь в каюту распахнулась и на пороге появилась маленькая, пухленькая представительница расы захватчиков. Как я догадалась, что она женского пола? Это было не сложно, слишком уж нежные черты лица у нее были. Да и слишком выдающимися у неё были места, которые древние писатели называли, женскими формами. Как и её соплеменники, она имела длинный хвост с аккуратной кисточкой в виде сердечки и длинные когти, которые, впрочем были аккуратно подпилены и покрыты какой-то переливающейся эмалью. Волосы у нее были угольно-черные и на затылке были собраны в объёмный узел. В волосах была заметна седина, да и по лицу было видно, что его обладательница уже не молода. Застыв в проеме, она все это время так же внимательно рассматривала меня.

— Это и есть та самая инопланетянка, которую притащили Кайвир с Морэлем? Что ты скажешь, Айкус, её не опасно держать рядом с жилым сектором кают? Вдруг она ради мести за свой народ решит устроить над нами кровавую расправу? Не то чтобы я её боюсь, вид у нее какой-то дохлый, но поранить или покалечить она вполне сможет, и потом кто знает этих «кукол», может у нее где оружие припрятано. — Ещё один прицельный взгляд в мою сторону. Между тем голос подал док, у которого, как оказалось, тоже было имя, Айкус. За все время, что я среди них, я услышала уже четыре имени, ни каких номеров.

— Дорозо, ну зачем ты так? Она же тоже живая, пускай с другой планеты, но ведь живая. Она вовсе не агрессивна. Её расе вообще агрессивность, в прочем, как и другие проявления эмоций, не свойственна. Вреда она никому не сможет причинить. Да и Кайвир не стал бы приводить на корабль кого-то, кто вызывает у него опасение. Ты лучше проводи нашу гостью в какую-нибудь свободную каюту и дай ей комплект одежды. В таком виде нельзя ходить по кораблю. Она вся в пыли. — Док посмотрел на Дорозо с какой-то непонятной мне, но видно понятной для Дорозо мягкостью, и вот странность, выражение её лица тут же изменилось, стала каким-то нежным. Когда она повернулась ко мне, её голос уже не был таким суровым:

— Ладно, эээ... Айкус, а имя то у нее есть? — Они вдвоем молча уставились на меня. Я же попросила стоящий на столике плоский наладонный экранчик, на подобии тех что были и у нас, и получив его, напечатала: «№ 1027». Вот теперь я поняла, как выглядит настоящее изумление. Уж больно ярко оно было написано на лицах у моих собеседников. Они смотрели на меня как на настоящую диковинку. Наконец, Айкус ожил:

— Что ж, другая культуру. Дорозо, я думаю, прежде всего стоит дать отдохнуть нашей гостье, а уж потом, продолжим расспросы. — Он легонько подтолкнул меня к Дорозо. — Иди, не бойся. Никто ничего тебе не сделает. Ну же, иди. Дорозо проводит тебя туда, где ты сможешь привести себя в порядок и немного отдохнуть.

Дорозо тем временем активизировала дверь, и та отъехала в сторону, открываяа проём.

Пропустив меня вперед Дорозо вышла за мной, при этом она успела жестами что-то быстро сообщить Айкусу, впрочем смысл жестикуляций остался мне непонятен.

Снова длинный коридор с чередой дверей. Наконец Дорозо остановилась возле нужной. По пути, как ни странно, нам никто не встретился.

— Теперь это твоя каюта. Приложи ладонь сюда на панель, и она автоматически откроется. — Я, следуя её инструкциям, приложила руку к небольшому квадратику, и действительно оказалась в каюте. Как и следовало ожидать, размера она была небольшого, зато имеющееся пространство было использовано рационально. Койка, небольшой стол, стоящий прямо под иллюминатором, мягкий сиреневый пуфик и встроенный шкаф. Моё внимание привлекла небольшая дверь, которая, как оказалось, вела в маленький санузел. Ну, надо же, отдельная ванная комната в моём распоряжении! Вот уж не думала, что мне, пленной, выделят целую каюту со всеми удобствами. Дорозо Цепким взглядом оглядела каюту и кивнула.

— Честно говоря, не думала, что с тебя поселят в отдельную каюту. Было бы логично поместить тебе хотя бы на время на нижнем уровне, пока мы окончательно не убедимся, что ты ничего не учудишь. Но Кайвир велел разместить тебя здесь. Так что располагайся. — Она собралась было выйти из каюты, но неожиданно вспомнила: — Ах да, сменную одежду можешь найти в шкафу, вот только она малость отличается от того, что принято носить у вас, но ты уж не обессудь. Моющие средства для тела и волос в ванной. Ты пока располагайся, позже я принесу поесть. Думаю, пока тебе стоит поесть в каюте. Ни к чему пока тебя показывать. Сначала нужно подготовить команду, а то как бы чего не вышло. — С этими словами она оставила меня одну.

Я решила отложить раздумья на потом и привести себя в порядок. Когда я зашла в душевую кабину, то малость подрастерялась. В стену было встроено небольшое окно управления. Методом проб и ошибок я с горем пополам настроила нужный мне режим температуры, правды при этом меня сначала обдало кипятком, а потом и вовсе ледяной водой, но в итоге я добилась адекватной температуры воды. Однако больше всего меня поразили их средства для мытья. Если у нас это были обычные прозрачные легко пенящиеся массы, то инопланетяне использовали разноцветные вкусно пахнущие жидкости. Пенились они гораздо лучше, чем наши аналоги, да и пена от них образовывалась чудо какая. Я всегда думала, что душ — это просто гигиеническая процедура, призванная поддерживать тело в чистоте, но здесь я поняла, что от неё можно получать удовольствие. Да-да. У нас доме стояла похожая кабинка, но температура там была установлена стандартная. На мой взгляд немного прохладная, но как говорят, она позволяет закалить организм. Гели же для мытья запаха и цвета не имели. Все просто, но функционально.

Покончив с водными процедурами, я насухо вытерлась сиреневыми мягчайшими полотенцами (у нас уже лет триста как вместо них использовали мощный обдуватели, встроенные в душевые) и подошла к шкафу, чтобы посмотреть, что мне предстоит одеть. Да, если мне предстоит ходить в этом, то моя фигура не будет ни для кого секретом. На вешалке висело длинное голубое платье просто покроя с длинными рукавами и воротничком по горло. Но оно слишком сильно обтягивало грудь и талия. Ну что ж, придется снова перебинтовывать себя ту же обычного. Наконец покончив с одеванием, я повязала на голову найленую в этом же шкафу шаль, тщательно убрав под неё волосы. Обуви я не нашла, но сейчас она беспокоила меня меньше всего — меня ужасно клонило в сон. Не долго думая, я завалилась на узкую

койку. К моему удивлению, вместо небольшого валика, под голову полагалось класть самую настоящую пуховую подушку. Подумать только какая роскошь! У нас от таких давно отказались, посчитав их слишком дорогими и не долговечными. Ну и пусть, как бы дальше не сложилась моя судьба, я была счастлива, что мне довелось увидеть и почувствовать на себе частичку быта другой расы. Когда бы мне ещё выпала такая возможность? С этими приятными во всех отношениях мыслях я крепко-накрепко уснула, и что странно, мне впервые в жизни приснился самый настоящий сон. Я стояла в поле, правда трава была почему-то красная, а вокруг меня по кругу бегали хвостатые чертики. Они не желали мне зла, это были мои друзья. И в этом сне, я была действительно счастлива.

Глава 3

Я проснулась от негромкого стука. Быстро расправив немного помявшееся после сна платье, я поспешила открыть дверь. На пороге стояла Дорозо. Мне на секунду показалось, что она выглядела чем-то озабоченной, но когда она заговорила, её лицо было абсолютно безмятежным:

— Деточка, — от этого непривычного для слуха обращения, я вздрогнула, — ты, наверное, ужасно проголодалась. Уже вечер, время ужинать. Ты так крепко спала, что я не стала будить тебя ради обеда. Пойдём, я тебя покормлю, а потом ты поможешь мне накрыть на столы для всей команды. Сегодня ты встретишься со всеми присутствующими на корабле. Кайвир уже всех предупредил о тебе, так что проблем быть не должно. — Дорозо развернулась и не спеша вышла из каюты. Мне ничего не оставалось, как следовать за ней.

По дороге мне не давала покоя мысль об этом странном Кайвире. Вот уже третий раз его имя упоминают при мне, и, судя по всему, он принимает не последнее участие в моей судьбе. Судя по всему, это либо Бородач, либо Молодой. Интересно, кто из них такой заботливый?

Между тем, мы пришли в помещение, плотно заставленное всякой утварью. Не сложно было догадаться, что это кухня, однако приспособления и продукты, горкой сложенный на одном из разделочных столов, очень отличались от наших. Пока я осматривалась, Дорозо суетилась возле огромной ёмкости, видимо, используемой в качестве кастрюли. Не прошло и минуты, как она жестом указала мне место за столом и поставила передо мной тарелку с глубоким квадратным дном. В ней плескалось что-то густое. При том у неизвестного блюда был просто потрясающий запах. Должна сказать, что наша раса давно отказалась от всяких изысков в еде. Пища должна быть сытной и содержать все необходимые питательные вещества и микроэлементы. Вкус и запах не играют роли, поэтому были разработаны специальные питательные коктейли, которые перед употреблением нужно было просто развести водой. Они отличались только соотношением компонентов и числом килокалорий, в зависимости от того, для кого они предназначены: для детей, для здоровых взрослых, для болеющих или истощенных, для пожилых... Но никогда я не встречала ничего подобного по запаху. Не торопясь, я зачерпнула немного жидкости ложкой и осторожно попробовала. Боги, неужели еда может быть той! У меня не было в лексиконе слов, чтобы описать вкус. Такой необходимости у меня прежде не было. У коктейлей вкус всегда был одинаков. Хотя какой вкус? Если сравнивать с этим, то прежняя пища вовсе не имела вкуса, но это... Не заметно для себя я съела все порцию, и увидев дно тарелки, испытала легкое разочарование. Но теперь я понимала, почему роботы ввели питательные коктейли. Питаясь слишком вкусной едой, мы каждый раз испытывали бы удовольствие от приема пищи, и это могло бы поколебать нашу стойкость, мы бы вновь попали под власть эмоций и погрязли бы в безумии. Хотя со мной это

итак случилось. Из раздумий меня вернул голос Дорозо:

— Ну как тебе моя стряпня? Вроде все съела, а по лицу не поймешь: понравилось или нет. Оно у тебя как маска. — Дорозо стояла ко мне спиной, что-то помешивая и пробуя на вкус содержимое разных котлов. — Меня, конечно, предупреждали, что ваш брат не особо-то на эмоции богат, да вот чудно мне это. Да и не мне одной, я думаю. Хоть Кайвир и считает, что всё в порядке, но вряд ли все будут к тебе благосклонны. Уж больны вы чуждые нам. Нет-нет, ты не подумай, у нас все парни на корабле хорошие, вот только вспыльчивые маленько.

Я прекрасно представляла, чем для меня может закончиться проявление их вспыльчивости. Читая хроники древних людских войн, я ясно понимала, что с пленными обходятся не как с равными. Побои, голод, рабство в лучшем случае. Обо всём этом я знала из книг. С приходом к власти роботов, люди забыли о войне, как о реальной угрозе. У нас не было армии, не разрабатывалось никакого оружия, а все остатки военного оборудования, сохранившиеся с давних времен, были выставлены в татическом музее. Мы просто были не готовы к атаке из космоса. Как странно: мы так тщательно воспитывали в себе выдержку, сдержанность, воспитывали в себе самоконтроль, отсеивали непригодных для продолжения рода индивидов, пытались вывести новый вид идеального получеловека-полуробота. И что в итоге? Наш мир разрушен, все уничтожено, мы так и не смогли создать утопии. А я? Что ждёт меня? Единственное, что меня утешало, так это то, что мне хотя бы не грозит насилие — навряд ли кто польстится на такую малопривлекательную особу как я. Уродов не любят нигде. Сейчас я, пожалуй, была даже рада собственной непривлекательности, портившей мне жизнь на Земле.

Дома мне сразу объявили, что, не смотря на то, что меня внесли в список половозрелых индивидов женского пола, вероятность того, что на меня кто-нибудь отправит запрос в комитет по устройству семейных пар, была ничтожна. Моя внешность отпугивала в тех, кого привлекало положение моих родителей (они оба занимали не последние должности в министерстве внутренних дел Государства), а слухи о моей эмоциональности окончательно убили надежду на семью. К тому же мне с моим гипотетическим супругом вряд ли разрешили бы завести ребёнка, а пара не способная помочь в улучшении генофонда расы, автоматически теряла положение в обществе. У нас вообще все очень строго, если дело касается деторождения. Чтобы завести ребёнка, пара должна дожидаться официального разрешения от соответствующих инстанций. Обычно супруги рождали двоих детей, иногда одного. Трёх детей иметь запрещалось — роботы четко отслеживали численность людей, во избежание перенаселения. Избыток ликвидировался.

Так бы я и сидела, предаваясь воспоминаниям, если бы меня не отвлек звук открывающейся двери. На пороге кухни стоял Бородач и внимательно смотрел на меня. Не знаю, что он хотел увидеть и какие мысли витали у него в голове, но мне от этого разглядывания сало не по себе. Я поспешила опустить глаза, предварительно заметив, что Бородач как будто хочет что-то сказать, но не решается. На помощь ему пришла Дорозо:

— Кайвир, ну наконец-то. Я думала ты раньше придёшь проведать девушку. Где это видано, сам её сюда привел, поручил мне и даже не заглядываешь. — Вот и выяснилось, кто такой этот Кайвир. Тоже не совсем понятно, для чего он меня сюда притащил. Хотя со слов Дорозо, он принимает очень активное участие в моем заселении на корабле. Между тем Бородач подошел ближе и занял стул справа от меня.

— Не горячись Дорозо, я пришёл сразу, как только смог. Или ты думаешь, что у меня нет никаких обязанностей. Я весь день убил на дурацкий отчет и очень устал. — Пока он говорил, обращаясь явно к соотечественнице, взглядом же он продолжал буравить меня. От испуга перехватило дыхание. Возможно, я не слишком хорошо улавливаю эмоции чужаков, но от этого Кайвира ничего хорошего мне ожидать не приходилось. Я пониже опустила голову и постаралась не двигаться: меньше движений — меньше повода вызвать агрессию. Было неприятно. Да к черту самоконтроль! Было очень страшно! Пускай я так и не научилась владеть собственными эмоциями, но ведь никто никогда и не объяснял, что нужно делать в такой ситуации. Посмотрела бы я на своих соплеменников, окажись они один на один с целым кораблем пришельцев.

Так прошло минут десять. Я сидела, сжавшись в комочек, Дорозо продолжала возиться возле кастрюль, а ненавистный пришелец всё так же пытался просверлить во мне дырку взглядом. От этого увлекательного занятия его отвлек появившийся на пороге парень. Ну вот, теперь их в помещении трое, а я одна. Хотя Дорозо вроде настроена достаточно доброжелательно. Я скосила глаза и попыталась получше рассмотреть новенького, тот тоже не остался в долгу, и тщательно меня изучал, стоя на пороге.

— Ну и кто тут у нас? Кайвир, я до последнего не верил, что ты действительно притащил на корабль землянку. Зачем? Я понимаю ещё, если б она была симпатичненькой, а так... — Встретив хмурый взгляд Кайвира, он запнулся. — Нет, я не спорю. Конечно, довольно экзотично. Вот только что у неё с головой? Зачем она платок то намотала.

Дорозо вступилась:

— А ну хватит обсуждать девушку, как будто её здесь нет. Айкус уже вживил ей под кожу переводчик, так что она прекрасно понимает твою болтовню. Где твои манеры Борнус? Совсем забыл о приличиях? Так не волнуйся, мы с отцом быстро заполним прорехи в твоём воспитании. — Парень, которого, как оказалось, зовут Борнусом, весь как то сжался и теперь виновато взирал на меня из под длинной золотистой чёлки. Из всех увиденных мной чужаков он был самым симпатичным, если так можно сказать об обладателе хвоста и когтей. Как и другие, он был высок, но сложение имел сублинное. Да и белокурые волосы не добавляли серьёзности его внешности. Судя по всему, он ещё очень молод, и наверняка приходится Дорозо сыном или близким родственником. Борнус нерешительно приблизился к столу и, помедлив, уселся на свободный стул.

— Привет, я Борнус. Ты извини, что так вышло, я не со зла. Просто очень любопытно было посмотреть на... — возмущенное сопение со стороны Дорозо не дало парню договорить. Тяжело вздохнув, он попробовал снова: — Ммм... а как тебя зовут? — похоже, этот вопрос интересовал не одного его: Кайвир, внимательно прислушивавшийся к словам Борнуса, заинтересованно покосился на меня. Ну вот, снова этот взгляд. К счастью внимание обоих тут же переключилось на вмешавшуюся в разговор Дорозо:

— Да нет у неё никакого имени. У них всех по номерам называют. Наша красавица отзывается на «номер 1027». — Она возмущенно взмахнула рукой с зажатым в руке половником. Траектория движения сего кухонного инвентаря проходила как раз перед самым моим носом. Я резко отшатнулась назад, чудом не свалившись с табуретки. Ох, теперь они втроем всюю

глазеют на меня. Ну зачем я дернулась! Меньше движений, меньше! Подумаешь, задела бы нос, с болью я бы справилась легко. Но вот чрезмерное внимание того же Кайвира, сдаётся мне, гораздо хуже.

— Эээ... — Не знаю, что именно так удивило Борнуса: моя реакция или же отсутствие у меня имени. — Я собственно подумал... Может ты выберешь себе какое-нибудь имя? А то как-то неудобно к тебе так обращаться. — Он вопросительно посмотрел на хмурого Кайвира и, получив одобрительный кивок, продолжил уже более уверенно: — Ну так как, у тебя есть какие-нибудь предпочтения?

Я лишь пожала плечами. Для меня было непонятно по какому принципу стоит выбирать имя, да и не знала я почти никаких имён. Честно говоря, я вообще не понимала необходимости для себя в каком-то имени. Но раз им так хочется, что ж... не мне решать.

— Может Аринария? Или Врегорилла? Саверна? Гиполинема? Дартима? — Похоже, идея дать мне имя действительно увлекла Борнуса. Он продолжал перечислять имена. Для меня они звучали чуждо, непонятно. Я не могла соотнести себя с ними. Наверно, я бы так и не выбрала имя, если бы проблему не решил неожиданно вмешавшийся Кайвир.

— Борнус, подожди. Для неё перечисленное не подходит. Все эти имена, — он усмехнулся, — подходит для наших женщин. А она другая. Назовём её именем созвучным с её прежним: Номери. Сокращенно — Номи. — Он в упор посмотрел на меня. — Ну как, Номи, тебе нравится твоё новое имя?

По мне так лучше бы они вообще меня никак не называли, не обращали на меня внимание и вообще забыли бы обо мне. Особенно этот Кайвир. Он чётко дал понять, что не считает меня равной женщинам своей расы. В его словах я увидела презрение, неприязнь. Хотелось крикнуть: «Зачем же ты меня сюда притащил? Почему сразу не убил, как остальных людей? Зачем дал это имя, лишив надежды на то, что ко мне здесь будут относиться как равной?» Конечно, ничего такого я не сказала: не хватило мужества и элементарного знания языка. Поэтому я просто кивнула, надеясь, что на этом разговор закончится, и меня оставят в покое.

Мои молитвы были услышаны. Получив мой кивок, Кайвир молча встал и ушел с кухни. Борнус ещё немного посидел и тоже удалился, на прощанье пожелав не скучать. Напутствие можно было бы расценить как издевку, если бы оно не исходило от этого парня. Почему-то я сразу прониклась к нему доверием. Однако Дорозо, видно, всерьёз восприняла его слова и потому вылила на меня кучу информации:

— Значит так, Номи, — Дорозо как будто споткнулась на этом странном имени, — с нами ты теперь, судя по всему, останешься надолго. — Встретив мой удивлённый взгляд, она пожала плечами: — Сейчас я не могу тебе всего объяснить, да и не я должна это делать. Видишь ли, твоё появление на корабле для всех стало неожиданностью, а Кайвир своё решение ни с кем не обсуждает, хотя кое-какие догадки у меня на этот счёт есть. На корабле он главный. Хотя нет, я не права. Главный здесь капитан, но Кайвир — лицо, приближенное к власти. Корабль отдан в его распоряжение. К слову сказать, именно Кайвиру доверили руководить операцией по захвату вашей планеты, с чем он справился просто блестяще. Этот корабль — главный штаб

войск, отсюда поступают приказы на другие корабли. Всё крутится вокруг Кайвира. Вообще странно, что он решил выбраться из корабля и пройти по руинам города. Это удача, что он тебя нашёл, а то ты бы так и осталась умирать под завалами. Что-то в тебе есть такое, что заставило его взять тебя с собой. Может жалость, может интерес как к представителю неизвестной расы, кто разберёт, что у него в голове. Одно я могу сказать тебе точно, вреда тебе он не причинит. Не в его это правилах обижать заведомо слабого, тем более девушку, пускай и чужачку. Сейчас мы направляемся на Жилор, там находится столица нашей империи. Кайвир должен отчитаться о кампании и получить дальнейшие указания. Лететь нам ещё долго, так что привыкай, осваивайся помаленьку. Прислушивайся, старайся запоминать слова — тебе необходимо как можно быстрее научиться изъясняться на нашем языке. Я попрошу Борнуса, он будет учить тебя новым словам и подробнее расскажет о нашей империи. И ещё одно. На корабле у каждого есть свои обязанности — лодырей здесь нет. Поэтому чтобы и ты не сидела без дела, будешь помогать мне на кухне. Конечно, было бы проще задать меню автоповару, — Дозоро махнула рукой в сторону огромной металлической машины, стоящей в углу кухни, — но вкус то не тот. Сразу чувствуется — готовили без души. Понимаешь? — Я на всякий случай кивнула, хотя мне, первый раз попробовавшей что-то коме питательного коктейля, было не понять разницы. Но Дорозо, судя по всему, было не столь важно, согласна ли я или нет. Вот уж кто был действительно эмоциональным! Эмоции переполняли её. Словами, действиями — ей надо было куда-нибудь выплеснуть их. Она носилась по кухне как метеор и постоянно что-нибудь рассказывала, объясняла. Что ж, придётся привыкать к этим странным существам.

И странно поверить, но мне это почти удалось. Шло время, я помогала Дорозо на кухне, помогала сервировать столы. Выполняла мелкие поручения, стараясь запомнить расположение кают и коридоров на корабле. Я знала в лицо почти всех чужаков на корабле и почти не испытывала страха перед ними, хотя самые низкорослые из них были на голову выше меня. Я старалась не привлекать к себе внимания. Быстро скользила мимо них, опустив голову. Я всё также завязывала на голове платок, пряча под него волосы, и, выпросив у Дорозо кусок плотной серой материи неизвестного для меня происхождения, сшила для себя свободную длинную робу, которая скрывала тело до пят и не давала ни малейшего представления о контурах моего тела. Не стоит демонстрировать своё уродство. Всем известно, что оно порождает неприязнь и желание поиздеваться над несчастьем другого. Сначала со мной пытались заговорить, но так как я не знала языка да и не горела желанием вступать в беседу, на меня очень скоро перестали обращать внимание. Никем не замеченная я тихонько перемещалась по кораблю от своей комнаты до кухни. Пожалуй, меня всё устраивало, разве что Кайвир при встрече останавливался, пропуская меня, и при этом не спускал с меня глаз. Даже пройдя мимо, каждый раз я спиной ощущала не себя его взгляд. И тогда мне было действительно страшно.

Но всё это были пустяки. Я привыкала, потихоньку учила язык и иногда в беседе с Борнусом, Дорозо или доктором Айкусом отвечала целыми предложениями, тщательно выговаривая слова. Меня хвалили и говорили, что я очень быстро учусь. От этих слов мне было как-то тепло внутри. Пожалуй, они вызывали во мне эмоции, похожие на признательность. Иногда в компании этих представителей иноземной расы я даже была рада, что судьба забросила меня сюда, подарив возможность жить. Моё сумасшествие здесь было абсолютно нормальным явлением. Меня наоборот считали слишком сдержанной и зажатой. Бесчувственной. У нас это сочли бы за комплемент, здесь же считалось чуть ли не преступлением.

Жизнь на корабле текла, и я старалась в неё влиться. Но все мои надежда в одно мгновение

пересёк один случай, произошедший на одиннадцатые сутки моего появления на корабле.

Глава 4

Не смотря на, казалось бы, довольно расслабленное настроение присутствующих, дисциплина на корабле была довольно жёсткая. Почти все «черти» (так я называла иноземцев за их сходство с мифическими персонажами) находились в подчинении не у капитана, а у Кайвира и числились в его штабе. К своим подчиненным он относился без лишней строгости, но и спуску тоже не давал. По разговорам я поняла, что его уважали и потому беспрекословно выполняли все приказы. А в виду отсутствия каких-либо нарушений начальник не проводил никаких воспитательных мер. Так что на корабле была тишь да гладь.

Но тут ситуация резко поменялась. На корабле повисло какое-то напряжение. Конечно, я не настолько впечатлительна, чтобы ни с того ни с сего почувствовать «запах надвигающейся беды» (это выражение я позаимствовала у древних авторов, уж больно мне понравился этот речевой оборот), вовсе нет, вполне реальные признаки натолкнули меня на мысль, что что-то должно случиться. Причем всё указывало на то, что это что-то напрямую затронет меня.

Во-первых, теперь со мной постоянно находился Борнус. По утрам он неизменно поджидал меня у дверей каюты, чтобы проводить к Дорозо, а по вечерам заходил на кухню, откуда, нпутствуемый твёрдым взглядом Дорозо, конвоировал меня обратно к каюте. Во-вторых, Дорозо, которая прежде частенько посылала меня с поручениями, теперь всюду ходила сама, оставляя меня следить за готовящейся на плите едой. Дверь в кухонный отсек она при этом запирала, тем самым лишая меня возможности куда-либо отлучиться. Стоит также упомянуть, что Кайвир стал чаще появляться на кухне: то ему нужно было поговорить с Дорозо, то он вдруг проголодался (в тот раз он не съел и половины предложенного ему блюда), то он случайно ошибся дверью, машинально свернув не туда. В последнее вообще верилось с трудом, так как рассеянность это последнее в чём можно было заподозрить человека с таким цепким взглядом. Во время своих визитов на кухню он всё так же продолжал пристально смотреть на меня, заставляя чувствовать неловко.

Неопределённость выматывала. Я старалась не подавать виду, что замечаю все эти предосторожности, но в то же время продолжала гадать о причинах столь странного поведения. Возможно, во мне видели шпионку и теперь решили принять запоздалые меры. Так это или нет, но эта версия казалась наиболее вероятной. Однако на деле всё оказалось гораздо сложнее.

Вот уже три дня как в поведении «чертей» начались все эти странности. Мы сидели с Дорозо на кухне, занимаясь приготовлением обеда. Дорозо то и дело посматривала в мою сторону, однако заговорить всё не решалась. Минуты текли, и тут она не выдержала. Видно, эти дни тоже дались ей нелегко. Слова текли мощным потоком, и мало помалу суть проблемы стала ясна.

— Номи, деточка, мне так неудобно перед тобой. Все эти предосторожности... Ты, наверное, приняла их на свой счёт, но всё не так. Понимаешь, это не твоя вина, но Фузий никак не смирится.

Фузием звали того Молодого, который вместе с Бородачом нашел меня под завалинами. На корабле он потерял ко мне всякий интерес и при встрече лишь сдержанно кивал.

— Понимаешь, у нас есть строгое правило: без особого приказа ничего не брать с захваченной территории. Это считается мародёрством. Ты знаешь, что это такое? — Я кивнула. — Так вот, на днях выяснилось, что Фузий захватил с вашей планеты несколько «сувениров». Возможно, они не такие ценные, но правило есть правило, особенно если речь идёт о не до конца изученной планете и вещах, о назначении которых мы знаем немного. Фузий считается правой рукой Кайвира, и в будущем обещает сделать блестящую карьеру, так как парень он неглупый. Но этот случай... Кайвир не делает никому поблажек, даже своим любимчикам. Когда речь идёт о деле, все симпатии отходят на задний план. Он понизил Фузия в должности, теперь тот обычный мелкий чиновник, с соответствующей записью в документах. Вряд ли ему теперь что-нибудь светит по службе.

Ситуация мне была понятна. У нас все правила чтили и соблюдали неукоснительно. Среди них не было менее или более важных. За нарушение любого из них человека могли уволить, а то и утилизировать. Так что история Фузия удивления не вызвала. Однако оставалось неясно, как это связано со мной.

— Вот так всё и было, — продолжила Дорозо. — Фузий, конечно, понимал, что за такое по головке не погладят, но он до конца не верил, что Кайвир даст делу ход. Сказать, что Фузий был в бешенстве, значит ничего не сказать. Последнее время самолюбие застилало ему глаза на собственные поступки, вот и допрыгался. Представь себе, он не придумал ничего лучше, как вслух возмутиться тому факту, что Кайвир взял на корабль тебя, тем самым в какой-то степени нарушив то же правило. Конечно, это совсем другое дело и Кайвир даже не собирается оправдываться перед Фузием, но это ещё больше злит наглеца. Он всегда славился своей вспыльчивостью, а тут такой повод. В общем, мы опасаемся, что он может навредить тебе. В гневе он плохо себя контролирует. Мы в космосе и потому не можем его куда-нибудь отправить. Вот мы и решили не оставлять тебя одну ни на минуту. — Дорозо тяжело вздохнула. — Ты пойми, лично я рада, что ты появилась на корабле. Да и Борнус в восторге от тебя, про Кайвир говорить не буду, он сам за себя отвечает. — Подобная формулировка вызвала невольную дрожь. — Ребята на корабле тоже вполне спокойно воспринимают твоё появление здесь. Они безоговорочно доверяют Кайвиру, и ели тот счёл возможным твоё появление здесь, то почему бы и нет. — Она с минуту помолчала. — Я не утверждаю, что Фузий действительно на что-нибудь решится, но вдруг. Будет лучше, если с тобой всегда будет кто-нибудь поблизости. Ты согласна со мной?

— Да. Вы всё вполне чётко обосновали. — Я помолчала, а потом всё же решилась и добавила. — И я вовсе не боюсь.

В ответ Дорозо лишь задорно рассмеялась, при этом потрепав меня щеке. Не знаю, что её так рассмешило. Я давно оставила попытки понять этих существ, а их чувство юмора меня скорее и вовсе пугало. Чрти, оним словом.

С того разговора с Дорозо прошло три дня. За мной продолжали всё-также приглядывать. Я ни разу так и не пересеклась с Фузием, что впрочем не слишком печалило меня. Страх я не испытывала, возможно я просто недооценивала опасности. А зря. Как оказалось, Фузий вовсе

не собирался оставлять всё как есть. Он был зол, обижен и ему просто необходимо было в тот момент сорвать на ком-то свои эмоции. А случилось это так...

Мы с Дорозо чистили овощи для гарнира, когда выяснилось, что соль вот-вот закончится. Нужно было идти в кладовой отсек. Дорозо как обычно заперла меня в кухонном блоке, а сама отправилась добывать необходимый ингредиент. Я продолжила возиться с овощами, но тут зашумел электронный замок, что свидетельствовало о том, что кто-то отрывает дверь. Я не волновалась. Наверняка, это Дорозо вернулась. Она часто что-нибудь забывала, и потому ей приходилось всё время возвращаться. Но появившаяся в проёме фигура даже отдаленно не напоминала пухленькую повариху. Фузий. Высокий, плечистый и, судя по лицу, настроенный очень решительно.

Он внимательно посмотрел на меня, затем не спеша отвернулся и закрыл дверь. На замок. Изнутри. Я отложила ножик для овощей в сторону, так как любой острый предмет в моих руках мог вывести его из себя. Он проследил за моей рукой взглядом и усмехнулся:

— Считаешь, он тебе не понадобится? Возможно, ты могла бы попытаться воспользоваться им и остановить меня?

— Я никогда не пользовалась ножом в качестве оружия, да и ловкостью и силой ты превосходишь меня, — спокойно ответила я. Волноваться пока не стоит. Может Дорозо и Борнус ошибаются, и Фузий вовсе не строит никаких кровавых планов. Зачем бы ему нападать на меня, тем более что я, отложив нож, явно демонстрирую нежелание конфликтовать да и признаю вслух его первенство. Причин для конфликта нет. Мы оба разумные существа и всегда можем решить вопрос мирно.

— Ну надо же, даже попытаться спасти свою шкуру не хочешь. Я всегда считал, что вы не живые существа. Вы роботы, которые лишь претворяются живыми. Машины — набор винтиков и шурупчиков. Бездушные твари. Вещи. Так какая разница между тобой и теми сувенирами, что я захватил с вашей гребанной планеты? Никакой. Ты вещь, предмет. Робот-помощник. То, что взял я из любопытства, у меня конфисковали и уничтожили, а тебя оставили, ведь ты якобы живое существо. Подумать только, эти глупцы думают, что ты можешь чувствовать, переживать и испытывать боль. Но я докажу, что ты ничто. — Он приблизился ко мне на шаг. Я оставалась на месте, не делая резких движений. Если я закричу или побегу, это лишь подстегнёт его. Так ведут себя животные, во всяком случае, именно так описывалось их поведение в прочтённых мною книжках. Спокойно, я болью пререживу, этому я обучена. Конечно, надолго меня не хватит, но скоро должна вернуться Дорозо. Она должна помочь.

Между тем Фузий прошёлся вдоль кухонных ящичков, по очереди выдвигая то один, то другой. Он что-то искал. Бормоча сквозь зубы какие-то ругательства, он, кажется, нашёл искомое. Фузий снова двинулся в мою сторону. В руках у него был зажат пресс для мяса. Именно таким Дорозо обычно отбивала огромные куски, чтобы размягчить их перед жаркой. Зачем он ему понадобился, он что решил поджарить мясо прежде чем расправится со мной?

В дверь застучали. Послышался голос Дорозо:

— Номи! Номи, дверь что-то заклинило, никак не могу её открыть. Посиди чуток, я схожу сейчас за механиком. Потерпишь ещё немного, хорошо? — Но ответил ей Фузий:

— Дорозо, можешь не переживать, я не дам дорогой Номи скучать. Я за ней присмотрю. Сходи пока за механиком. Вот только я не уверен, что он сможет быстро открыть дверь. Я запер её изнутри, чтобы никто не помешал нашей с Номи беседе. — Он откровенно забавлялся. Правда радость это была какая-то садистская, недобрая. Между тем Дорозо явно поняла, чем для меня грозит подобная беседа. Она застучал в дверь с удвоенной силой. Потом за дверью слышался удаляющийся топот. Побежала за помощью. Хоть бы она успела. — Ну что, — Фузий вновь повернулся ко мне, — приступим? А то сейчас все прибегут, будут шуметь под дверями, а у меня на тебя свои планы. Впрочем, это даже хорошо, что они сами все услышат. Дай сюда руку. Живо! — крикнул он, видя мою нерешительность. Прижав мою руку к столу, он снова посмотрел мне в лицо. — Знаешь, что бывает с вещами, когда они ломаются и выходят из строя? Их выбрасывают или уничтожают. Чем ты занята на корабле? Помогаете Дорозо? А как ты интересно будешь справляться со своими обязанностями без одной руки, а? А без двух? — С этими словами он со всей силы опустил пресс на отставленный мизинец моей зажатой левой руки. Я вздрогнула. К счастью, я успела подготовиться и потому до сознания дошёл лишь слабый отклик боли. Раздался хруст ломающейся кости. Я предпочла не смотреть на свою руку и спокойно встретила взгляд учителя.

За дверьми послышался неясный шум. Раздался приглушенный дверью голос:

— Фузий, немедленно открой дверь! — Кому принадлежал голос, я разобрать не смогла. В нём слышался как будто рык. Дверь сотряслась от мощного удара. — Ты слышишь меня? Я приказываю тебе немедленно открыть эту чёртову дверь! — Но, похоже, эта угроза не слишком впечатлила Фузия:

— А, это ты Кайвир. — Теперь понятно, кому принадлежал голос за дверью. — Хорошо, что ты тоже пришёл, послушаешь, как будут хрустеть кости этого существа, Номи кажется. И кто, интересно, додумался дать имя этой бездушной кукле? — Он снова опустил пресс мне на руку. Теперь пострадали ещё два пальца. — Эй, вы, там за дверью, слышите? Я сломал я уже три пальца, а она ни разу не пикнула. Я же говорил, она не живое существо. — Бамс! На левой руке теперь не осталось ни одного целого пальца. — Так, пальцев на руке больше не осталось. Займемся-ка теперь запястьем. — Теперь дверь просто сотрясалась от ударов, но пока держалась. А вот я чувствовала, что надолго меня не хватит. Боль ощущалась всё сильнее. Она пульсировала и ломилась захлестнуть сознание. Не выдержав, я тихонько всхлинула, чем привела своего врага в бешенство. — Что, решила притвориться, что тебе больно? Думаешь, обманешь меня, как и других? — Он схватил меня за ворот туники и, притянув к своему лицу, прошипел: — Я не люблю, когда меня дурачат. За это я и впрямь ускорю процесс избавления корабля от ненужного мусора.

Он попытался ухватить меня за шею, но тут я перестала себя контролировать и резко отклонилась в сторону. Фузий зацепил рукой мой платок на голове и с силой по инерции сдёрнул его с волос. Рыжие локоны рассыпались по плечам, демонстрируя уродство во всей его неприглядной красе. Фузий растерянно ойкнул и застыл, недоверчиво глядя на меня.

А со мной тем временем творилось страшное. Боль обрушилась на меня со всей своей яростной

силой, заставляя сжаться в комок, прижимая к себе изувеченную конечность. Но хуже было понимание того, что теперь, когда свидетельство моей бракованности маячит перед лицом этого варвара, шансов на благоприятный исход не остаётся вовсе. К тому же увидев мои волосы, Дорозо и те, кто прежде не желал мне смерти, могут поменять своё мнение. Да и навряд ли они захотят возиться со мной, теперь уже калеккой, беспомощной и бесполезной.

Мне было плохо, но плохо не сколько от боли физической, сколько от осознания того, что все мои мечты о том, чтобы найти себе место пускай не среди людей, но других существ, растаяли как дым. Конечно, глупо было надеяться, что никто не увидит моих волос, что кто-то всё же оценит моё старание быть полезной и позволит остаться.

В голове гудело, а в груди стало нестерпимо колоть. Мне не хватало воздуха, я попыталась вдохнуть, но ничего не вышло. Как со стороны я слышала Фузия:

— Эй, ты чего? Тебе плохо? Ты что, ты не притворяешься? — Ему вторили удары в дверь. Кажется, Фузий говорил что-то ещё. На мгновение он отошёл от меня к двери и стал возиться с замком, что-то крича через дверь. Мне было всё равно, что будет дальше. Я давно забыла про свою руку. Боль за грудиной всё нарастала. Я сползла по стенке на пол и прикрыла глаза, стараясь приноровиться к колющим болям.

Как сквозь дымку я видела, как в комнату ввалились люди, слышала, как Фузий торопливо что-то говорит. Странно, но ещё недавно такой уверенный и даже наглый голос, теперь дрожал. Между тем меня подняли с пола и куда-то понесли.

Снова в себя я ненадолго пришла уже в знакомом мне медицинском кабинете. Склонившийся надо мной Айкус что-то пытался вколоть мне в вену. За его спиной металась и тихо причитала Дорозо. Последнее, что я почувствовала прежде, чем снова отключиться, было ощущение, что кто-то гладит меня по голове, на которой так и не было повязано платка.

Глава 5

Сквозь сон я чувствовала, как кто-то продолжает гладить меня по голове. Касания были очень нежными и мягкими. Они успокаивали и дарили чувство блаженной истомы. Этот кто-то перебирал и мои волосы: то поднимал длинные пряди, то опускал так, что они падали на лицо. Потом всё те же руки осторожными движениями убирали волосы с лица, но от чего-то всё это было похоже на какую-то странную ласку. Так приятно и так странно.

Прежде мне никогда не приходилось испытывать ничего подобного. У нас касания, не несшие на себе никакой смысловой нагрузки, были не приняты. Зачем лишний раз вторгаться в личное пространство другого человека, если нет чрезвычайной надобности? Касание возможны только на приёме у врача, и то они сводятся к минимуму и возможны, когда на руках у врача одеты специальные перчатки. Раньше физический контакт был необходим и при зачатии, однако вот уже лет пятьдесят как человеческие пары предпочитают обходиться искусственным оплодотворением — гораздо более гигиеничным и эффективным способом.

Когда я наконец пришла в себя и открыла глаза, то не нашла никого постороннего в своей

каюте. Я лежала на уже столь привычной узенькой кровати. В груди больше ничего не болело, однако беспокойство вызывала левая рука. Кисть была перебинтована полностью, и под плотными полосками бинта угадывались какие-то жесткие конструкции, к которым были прижаты сломанные пальцы. Всё было настолько плотно зафиксировано, что у меня даже не возникло мысли пошевелить пострадавшей рукой. Что ж придётся учиться обходиться одной рукой.

Моё одиночество нарушило появление доктора Айкуса. Он справился о моём самочувствии, внимательно осмотрел перебинтованную конечность, правда, не представляю, что он мог разглядеть под этой кучей перевязочного материала. Покончив с этим, он всё-таки решил просветить меня относительно моего здоровья. Оказывается, больше всего его беспокоила вовсе не моя рука, а сердце. Та щемящая боль в груди была не чем иным как признаком инфаркта.

— Видишь ли, Номи, как я понял, ваша раса не привыкла к сильным эмоциям, а тот ужас, что ты испытала, оставшись с Фузием один на один, был слишком сильным стрессом для твоего сердца. Резкий спазм одного из коронарных сосудов и всё, сердце отозвалось приступом боли. Впредь тебе стоит внимательнее относиться к своему здоровью. Конечно, я сделал всё что мог, но ведь я не всемогущ. А что касается руки, то сейчас я пока не могу сказать, будет ли она такой же подвижной как прежде или нет. Даже когда кости срастутся, никто не сможет обещать, что рука будет работать исправно. Отек сдавил нервы, и сейчас рука не отвечает на команды, поэтому нам придётся подождать, пока всё срастется и сойдёт отёк. Что ж, не буду тебя утомлять, сердечный приступ — это не игрушки. Лежи и отдыхай, а денька через два сможешь выйти из каюты. — Айкус встал с придвинутого к моей кровати стула и направился к двери. — Кстати, скажу Дорозо, что ты очнулась. Пускай принесёт тебе поесть. — И кивнув напоследок, он скрылся за дверью.

Эти два дня я, как и предписывал доктор, провела в постели. Было невыносимо скучно вот так вот ничего не делать. Я попыталась пожаловаться навещавшей меня Дорозо, но та и слушать ничего не стала. Нахмутив густые брови, та отчитала меня за легкомыслие. Я не стала ей возражать, слишком уж меня озадачило слово «легкомыслие». Пока я пыталась вникнуть в его смысл, в каюте появилось новое лицо. Кайвир стоял, прислонившись плечом к косяку, и молча, как уже было заведено, рассматривал меня. Если раньше я лишь молча прятала глаза и старалась не подавать вида, как неприятно мне столь пристальное внимание, то теперь я просто не могла этого вынести. Что-то во мне изменилось после встречи с Фузием. Может это был страх перед рослыми плечистыми инопланетянами, может уязвимость из-за только что приобретенного статуса калеки, а может стеснение за свои всё так же не убранные рыжие волосы.

Юркнув под одеяло, я улеглась лицом к стене. За своей спиной я слышала растерянное бормотание Дорозо:

— Не знаю что с ней. Только что была нормальной, ну конечно немного страненькой, но не более чем обычно. Номи, дорогая, с тобой всё в порядке? — Я не отозвалась. — Не представляю, что её могло так расстроить. Неужто, она тебя так испугалась? — Послышались удаляющиеся шаги. Кажется, уходят. До меня уже еле слышно доносились причитания Дорозо. И только щелчок закрывшейся двери позволил мне расслабиться. На обдумывания не осталось сил, и я снова провалилась в живительный сон. Но даже во сне я продолжала ощущать чьё-то

присутствие.

Признаться, я надеялась, что после моего выздоровления, всё пойдёт как прежде: кухня и Дорозо — каюта и крепкий сон. Однако, «черти» решили всё по-своему. Они посчитали, что проводя все своё время на кухне в обществе одной только Дорозо, я лишаю себя общения, что не пристало молодому индивиду, пускай даже другой расы. И если раньше мою нелюдимость списывали на незнание языка, то теперь, пускай с трудом, но я могла изъясняться. Так что от меня ждали дружелюбия и готовности идти на контакт. Однако самым ужасным было нежелание Дорозо вернуть мне платок. Она просто не понимала необходимости прятать рыжие волосы.

— Ну что ты так переживаешь, можно подумать это преступление какое-то. Конечно, среди нас ни у кого нет такого цвет, так ведь это наоборот замечательно, что ты чем-то отличаешься от других. Вон, тебя как увидели тогда первый раз без платка, все так и застыли, не сразу сообразили Айкуса позвать, всё глазели на такую красоту. А Кайвир так и совсем голову потерял... — и дальше в том же духе. На все мои просьбы вернуть платок или дать взамен какую-нибудь ненужную тряпку, я получала отказ. Я так бы и продолжала настаивать, если бы Дорозо не выдержала и строго не сказала, что лишней ткани на корабле нет, и вообще экспедиции выдавалось определённое количество материала, не предусматривающее столь нецелесообразное его расходование. Это была первая столь корректная фраза, которую я услышала от Дорозо, и такой некогда привычный для меня тон подействовал лучше всяких увещаний. Я оставила попытки раздобыть кусок материи, но решила при первой же возможности отрезать уродливые локоны. А пока я делала ровный пробор и затягивала волосы в тугую косу, дабы поменьше смущать инопланетян своим видом. Кто знает, чем теперь для меня может обернуться моя внешность. Я и раньше отличалась от обитателей корабля, а уже теперь и подавно. Тем более Фузий и так уже продемонстрировал всю шаткость моего положения. Кстати, до прибытия на родину Фузия временно заперли в его каюте. Правда, как сказала Дорозо, когда его уводили из кухни, он уверял Кайвира, что ему очень жаль и он сожалеет, что всё так вышло.

Вот уж странные существа! Сколь непоследовательны они в своих поступках! Если на кухне он приводил в действие заранее продуманный план, то почему он раскаялся сразу после его осуществления. Логика здесь не было, но как показал мой короткий опыт общения с «чертями», не только разум управляет жизнью этих существ. Наверное, мне никогда не понять, какого это идти на поводу у собственных эмоций. Тот случай ещё на Земле, когда я заплакала, став свидетелем аварии и гибели незнакомых мне людей, нельзя было даже сравнить с тем ураганом эмоций, который обуревают этих существ. Что такое несколько слезинок против целой жизни, окрашенной переживаниями. Тот же Фузий, когда ломал мне пальцы, был гораздо более эмоционален, нежели я. Он был расстроен несправедливым понижением в должности, рассержен, обижен, разъярен и напуган. Могу ли я осуждать того, кому было так непросто. Он просто не смог справиться со своими эмоциями. Его же не учили подавлять их, как нас. После долгих лет тренировок я сама до конца так и не преуспела в этом, так чего же требовать от него. Но ни Борнус, ни Дорозо моих доводов понять не могли.

Жизнь «чертей» настолько наполнена с эмоциями, что у них есть даже такое понятие как «ирония». Они пользуются им в разговоре, чтобы говоря одно слово, передать смысл ему противоположный. Во всяком случае, именно так объяснил мне Борнус. И сделал он это своевременно, так как после того как мои волосы предстали на всеобщее обозрение, каждый

из «чертей» так и ли иначе на это отреагировал. Были такие кто, используя ранее упомянутую иронию, комментировали мой внешний вид. Одним из таких вариантов был «красавица». И хотя лица и жесты говоривших, на первый взгляд, демонстрировали расположение, я отчетливо понимала, что никому из них и в голову не придёт действительно так меня назвать. Я привыкла к тому, что моя внешности противоречит принятому эталону и потому не могла никого осуждать. Мне было достаточно и того, что меня оставили в живых, а всё остальное по сравнению с этим ничто. Единственным, чьего внимания я хотела во что бы то ни стало избежать, оставался Кайвир. После того случая, я так и не смогла спокойно относиться к его присутствию. Не знаю почему, но он вызывал во мне страх гораздо более сильный нежели Фузий, к которому я не испытывала равным счётом ничего. Теперь завидев Бородача, я старалась уйти под любым предлогом. Его всегда хмурый взгляд был невыносим. Что же за мысли были у него в голове?

И вскоре мне представился случай узнать об этом.

Дорозо старалась меня не нагружать хозяйственными делами, так как рука моя всё ещё оставалась неподвижной. Но заняться мне всё равно было нечем, поэтому я продолжала каждое утро приходить на кухню, где в компании Дорозо проводила дни. Во время обеда и ужина, она теперь отправляла меня в общую столовую. Мне было ужасно непривычно находиться в окружении такого количества чуждых существ. Однако я утешала себя тем, что это необходимый этап для нормальной адаптации в новом обществе. Почти всё время за столом я молчала, отвечая лишь на заданные напрямую мне вопросы. В основном они все касались жизни на Земле. Однако со временем вопросов стали задавать меньше — видно мои лишённые эмоций, хотя и достаточно информативные объяснения не слишком нравились собеседникам. Позднее Дорозо объяснила мне, что в разговоре цениться не только информативная составляющая, но и интонации говорящего, которые в свою очередь вытекают из эмоций рассказчика. Что ж, винить себя в отсутствии эмоций я не стану, однако напрашивается вывод, что великим оратором мне не стать.

С удивлением я поняла, что со дня моего выздоровления «черти» оказывают мне так называемые «знаки внимания». Как я поняла, это своеобразный способ расположить к себе понравившегося тебе индивида, путём оказания мелких услуг, призванных облегчить ему жизнь. Сначала я не могла понять, почему, когда я пересекаю дверной проём, меня все пропускают вперед, придерживая дверь. А в обеденной зале кто-нибудь из сидящих рядом всегда отодвигал и придвигал мне стул. Первый раз я даже не знала, как реагировать на подобные манипуляции с мебелью. Внимательно посмотрев на шустрого молодого «чёрта», проявившего галантность (это слова я узнала позднее) я прямо спросила, чем вызван его интерес к выбранному мною стулу, или быть может он сам хотел бы занять его. О том, что я спросила что-то не то, стало понятно сразу. Сидящие за столом и с любопытством косящиеся на меня инопланетяне засмеялись, а странный «чёрт» почему-то густо покраснел. Мне впервой пришлось видеть столь необычную реакцию, потому я поначалу забеспокоилась, уж не болен ли он. Ведь это могло бы объяснить и странное поведение, и покраснение кожных покровов. Но присутствующие не проявляли беспокойства, продолжая веселиться. Положение спас вовремя появившийся Борнус. Подхватив меня под руку, он быстренько провёл меня в другой угол зала, где был накрыт ещё один стол, и, усадив, принялся объяснять мне про эти самые «знаки внимания».

В целом я поняла общий принцип выказывания расположения, однако мне было трудно понять,

чем именно я могла его у кого-то вызвать. Возможно всё дело в моей руке. Как я уже успела заметить, одной из самых популярных эмоций у «чертей» была жалость. Вот они и нашли объект, подходящий на роль несчастного. Борнус лишь хмыкнул, услышав моё предположение, и побежал рассказывать Дорозо о произошедшем.

Я постаралась как можно быстрее доесть свою порцию и, покончив с едой, которая до сих пор поражала меня яркостью вкусовых ощущений, поспешила на кухню вслед за Борнусом. Однако по дороге я вспомнила, что не мешало бы привести в порядок причёску: из тугого пучка уже успело вылезти несколько предательских рыжих прядей. Пришлось развернуться и направиться к занимаемой мной каюте.

Возле коридоре я нерешительно притормозила. К моему удивлению, перед самой дверью моей каюты лежал маленький свёрток, перевязанный блестящей ленточкой. Вот уж странно. Это совершенно точно была не моя вещь, так что делать этому свёртку возле моей двери было вроде бы нечего. Вывод оставался один: кто-то случайно обронил свёрток, проходя мимо. И ничего удивительного в этом не было, если учесть что это был жилой отсек, и помимо моей каюты этот коридор вёл ещё к пятидесяти другим. Единственным верным решением было отнести находку к Дорозо, а уж та точно знает, как найти владельца.

Подходя к хозяйственному отсеку, я услышала обрывок разговора.

— Ты же сам видишь, она не такая как мы, — взволнованный голос явно принадлежал Дорозо. — Нет, она конечно девочка умненькая, но перестроиться на другой лад и жить полной жизнью она не сможет. Зачем тебе такая морока? Это всё равно, что красивая статуэтка. Ещё отвечать за неё придётся. Мне её жаль, правда жаль, в какой-то степени и я к ней привязалась. Но нам свойственно привязываться и к домашним питомцам. От них и то есть надежда получить взамен привязанность и тепло, а от неё не получишь даже этого. Ты же понимаешь, что я права?

— Всё, что ты сказала верно, но если исходить из твоих слов, то выходит и Фузий был прав. Что, не согласна? — Собеседником был не кто иной, как Кайвир.

— Ты преувеличиваешь, разумеется, я не стану оправдывать его. Он поступил подло, напав на заведомо более слабого противника. Да он просто живодёр: девочка, считай, без руки осталась. — Дорозо с минуту помолчала, а я в это время ни как не могла решить, то ли войти, то ли затаиться. Между тем разговор продолжался: — Быть может, ты забыл, но Айкус говорил, что во время осмотра, Номи сказала ему, что она не совсем похожа и на своих сородичей. Ты понимаешь, что это может значить?

Теперь медлить было нельзя. Слушать, как они станут обсуждать мою неполноценность, я бы просто не смогла. Я негромко постучала в дверь кухни. Голоса тут же смолкли, и на пороге возник Кайвир. Он с минуту внимательно смотрел на меня, но вряд ли, смог догадаться, что я что-то услышала: всё же лицом я владеть умела. Сдержанно кивнув, я поспешно обогнула его и, вытянув вперед руку с зажатым в ней свёртком, подошла к Дорозо:

— Вот, нашла возле своей двери, — в ответ Дорозо удивленно посмотрела на меня, явно не понимая, чего я от неё требую. — Надо найти, кто потерял свёрток, и вернуть владельцу. — Спиной я ощущала сверлящий взгляд Кайвира. Дорозо тем временем взяла мою находку в руки, повертела, поглядывая внимания на блестящую ленточку, и спросила:

— А ты не пробовала развязать и посмотреть, что там внутри? Отчего-то мне кажется, что это подарок. — Неожиданное предположение Дорозо поставило меня в тупик. К счастью, я уже понимала значение слова «подарок», однако это не делало ситуацию яснее.

— Подарок? Но зачем кому-то было оставлять его вот так? Было бы гораздо проще отдать мне его в руки. — Дорозо пожала плечами и загадочно добавила:

— Проще не всегда значит лучше.

Это уже было слишком, и потому озадаченная и с неожиданным подарком в руках я поспешила удалиться. Думать лучше всего в одиночестве, а тем для размышлений за день у меня накопилось предостаточно: недоразумение со стулом, случайно услышанный разговор, да к тому же подарок, суть которого пока ещё оставалась неизвестной.

Глава 6

Зайдя в свою каюту, я первым делом развернула тщательно упакованный подарок, хотя в том, что предназначался он действительно мне, я сильно сомневалась. Однако за это время я настолько привыкла следовать наставлениям Дорозо, что решила последовать её совету и всё-таки присвоить находку себе. У меня совершенно не было никакого опыта в получении или тем более дарении кому-либо подарков, и потому я даже не представляла, что мог содержать в себе небольшой свёрток. А внутри оказался странный предмет, сделанный из металла и каких-то блестящих камней, выполненный в форме, как мне показалось, цветка. На мой неопытный взгляд, это был результат довольно кропотливой работы, потребовавшей от мастера значительных усилий. Сложно было представить, что со столь тонкой работой мог бы справиться робот. Не смотря на эстетические достоинства предмета, его назначение оставалось для меня неизвестным.

Я повертела странный предмет в руках и на задней стороне цветка обнаружила маленькие зазубрины. Кажется, я догадалась, что к чему. Наверняка, это информационный накопитель, а эти зазубрены предназначены для подсоединения к információобработывающему устройству. Но зачем такие сложности в украшении? Может это опять какие-то непонятные мне тонкости, которые стоит воспринимать как данность, не вникая в детали? Нет, всё-таки вряд ли этот подарок предназначался мне, ведь у меня даже нет никакого подобия компьютера, чтобы переписывать с него информацию на это устройство. Или это на перспективу? Как же сложно всё у этих «чертей»! Куда уж проще, подойти, подарить, изложить назначение своего подарка — и никакого недопонимания. Наверное, это просто особенность менталитета «чертей» — всё усложнять.

На помощь как всегда пришла Дорозо. Вот только, судя по всему, суть подарка её удивила не меньше моего:

— Да никакое это не устройство, а самая обыкновенная заколка! — Видя моё замешательство, она тяжело вздохнула. — Ну для фиксации локонов. Обычно их носят для удобства, чтобы волосы не мешали и путались, но это явно непростая безделица, а самое настоящее украшение. Видишь, какая тонкая работа, какие камни, а материал! Да и выполнена она в форме цветка Рода. Такими вещами просто так не разбрасываются. Вот только кому могла прийти в голову подарить тебе столь ценную, я бы даже сказала бесценную вещь? — Теперь стало понятно, для чего на обратной стороне нужны маленькие зубчики.

К тому времени я уже что-то знала об устройстве общества «чертей», точнее эсхоров — именно так звучит название их расы. Так вот, все эсхоры делятся на группы, так называемые Роды. Но эти объединения формируются не по родственному признаку, как можно было подумать, а по идеологическому, или лучше сказать духовному. По мере взросления у каждого эсхора закладываются свои собственные убеждения, своё мнение о том или ином аспекте жизни. И если его взгляд на жизнь соответствует взглядам какого-либо из существующих Родов, он может попытаться примкнуть к единомышленникам. Однако прежде ему необходимо пройти посвящение, которое продемонстрирует его готовность служить Роду и соблюдать его устав. В чем состоит испытание, никто никогда заранее не знает, да и у каждого Рода оно своё. Но списки Родов пополняются не так часто: в среднем раз в десять лет. Безусловно, это большая честь для каждого эсхора — стать представителем какого-либо Рода. Так вот, к чему я вспомнила все тонкости устройства общества «чертей». Дело в том, что каждый Род имеет свою эмблему, на которой должен быть изображен соответствующий символ. И судя по словам Дорозо, эта заколка сделана как раз в форме одного такого символа. Что ж, выходит это подарок ещё и со смыслом.

Вот только установить личность дарителя пока не удавалось. Внутри свертка никакого послания я так и не обнаружила, а объявляться щедрый инопланетянин так и не спешил. Прошло уже три дня, а я все продолжала ломать голову. В конце концов я остановилась на мысли о том, что тот, кто сделал мне такой подарок, явно должен испытывать ко мне расположение, а таких «чертей» на корабле было немного: Дорозо, Айкус и Борнус. Последний как раз и казался наиболее вероятным кандидатом в дарители. Однако напрямую я спрашивать его об этом пока не решалась, терпеливо ожидая признания с его стороны. Борнус с признанием не торопился, и в голову вновь стала лезть мысли о том, что сверток скорее всего обрели возле моей каюты случайно и теперь, обнаружив пропажу столь дорогой по словам Дорозо вещи, «растяпа» сильно переживает. Что предпринять в такой ситуации я не знала, но решила рассуждать логически. Исходя из того, что пропажа очень ценная в материальном плане да еще и является атрибутом принадлежности к Роду, объявлять о своей находке всем не стоит. Необходимо как-то сузить круг возможных владельцев. Всего на корабле около семидесяти «чертей». Но я совершенно не осведомлена об их материальном и социальном статусе. Конечно, можно расспросить Дорозо, но вряд ли она столь хорошо осведомлена, иначе бы еще во время того первого разговора насчет находки, туземка высказала бы предположение о личности дарителя. Если отринуть моё личное отношение, то лучшим вариантом решения этого щекотливого вопроса станет передача находки Кайвиру. Как никак, он является представителем власти на этом корабле, да и кому как не ему лучше знать о каждом члене экипажа. Конечно, меня пугала перспектива лишний раз встретиться с ним, но ещё хуже было осознание того, что я намеренно утаиваю у себя чужое имущество.

Приняв решение, я не стала тянуть с его исполнением и потому сразу же направилась в сторону каюты Командира — именно так, обращались к Кайвиру остальные. Исключение составляла Дорозо, обращавшаяся к нему исключительно по имени. Размышляя над этой

странностью, я не заметила как дошла до так пугающей меня двери каюты. Подавив в себе усилием воли страх, я решительно постучала. Послышался шорох и дверь бесшумно отъехала в сторону, открывая моему взору хмурое лицо. Точнее хмурым лицо было только мгновение, почти сразу на нем отразилось изумление. Впрочем, и это выражение ненадолго задержалось на лице Кайвира, вскоре на нем застыла столь привычная глазу невозмутимость.

— Номи? — Казалось, его голос немного осип. — Тебя я менее всего ожидал увидеть перед дверью своей каюты. — Внимательно осмотрев меня с ног до головы, он сделал приглашающий жест рукой: — Возможно, нам было бы удобнее обсудить возникшие у вас вопросы в каюте, нежели в коридоре. — Как бы мне не хотелось уединиться с этим инопланетянином в его каюте, выбора у меня не оставалось, да и обсуждать мой вопрос стоило подальше от чужих ушей. Пригнув голову, я юркнула мимо Кайвира в дверной проём. Настороженно оглядывая помещение, я услышала звук закрывающейся двери. Стараясь не проводить параллелей со случаем с Фузием, я решила взять себя в руки и поскорее изложить суть дела. Но нужно было как-то начать. Меня охватила странная нерешительность, чего со мной прежде никогда не случалось. Я так бы и собиралась с мыслями, если бы молчание не нарушил Кайвир:

— Полагая случилось нечто крайне необычное, если ты, Номи, сама решила прийти ко мне. Прощу, присаживайся — Кайвир указал на небольшой пуфик. После того как я осторожно уселась на самый краешек, он уточнил: — С тобой все в порядке?

— Да, — я нервно сглотнула. — Я не хотела беспокоить...

— Конечно, не хотела, — со злостью прервал меня Кайвир. — Вернее сказать, не хотела лишний раз видеть меня. Но сделаем вид, что я об этом не догадываюсь, и потому примем твою версию про «беспокойство». — Под его тяжелым взглядом мне стало действительно страшно. Я непроизвольно спрятала руки за спину. Мой жест не остался незамеченным. — Боишься, что я сейчас как Фузий примусь доламывать оставшиеся пальцы? — Он быстро приблизился ко мне. — Тогда учитывая твой страх передо мной, мне уже становится любопытно, что у тебя такое случилось, что ты решилась поговорить со мной. Медлить было больше нельзя поэтому я, подавив желание сорваться с места, сухо и четко пересказала суть мучающего меня вопроса:

— Три дня назад я обнаружила возле своей двери свёрток. На нем не было никаких указаний ни на его владельца, ни на содержимое. Дорозо предположила, что это был подарок для меня. — Сейчас, пересказывая все и чувствуя на себе внимательный взгляд Кайвира, мне становилось даже стыдно говорить о таком предположении. — Поэтому, я сочла возможным открыть сверток. Внутри оказалось украшение для волос в виде цветка, как мне объяснила Дорозо, символизирующего принадлежность к Роду. Оно явно очень дорогое, — тут я окончательно смутилась, — и вряд ли кто-то бы нарочно оставил подобную вещь возле моей двери.

Кайвир, наконец отошел от меня, но взгляда так и не отвел:

— И ты решила, что я помогу найти владельца? — Я осторожно кивнула. — Что ж, тебе повезло, и я действительно знаю, кто на этом корабле принадлежит к Роду Камлаварис, именно так на нашем языке звучит название единственного цветка, ставшего символом целого

рода. — На мгновение я ощутила облегчение, но хмурый вид Кайвира мгновенно вернул напряжение. — Прежде чем приступить к так сказать разоблачению, позволь объяснить тебе, почему это украшение стоит рассматривать именно как подарок. Ты существо разумное, и я бы сказал даже слишком, поэтому давай проанализируем случившееся. Ты верно уже поняла, как много для эсхора значит его Род и всякая атрибутика с ним связанная. А тут еще мы имеем дело с крайне дорогим исполнением символа. Вряд ли можно просто обронить такую вещь. Символы Рода берегут как зеницу ока, носят у сердца. Так что это именно подарок, другой вариант просто невозможен.

— Так вы скажете, кто оставил мне этот Камаларис? — То, что на деле все не так просто, я уже поняла. И то, что Кайвир от чего-то оттягивает выяснение личности дарителя, сомнения тоже не оставляло.

Кайвир бросил на меня взгляд из-под бровей и тяжело вздохнул.

— Любая другая бы надела украшение и тем самым высказала признательность за подарок. Как же с тобой сложно! — Он, казалось, снова от чего-то вышел из себя. — Если хочешь знать, в этом даже есть своего рода романтика: украшение от тайного поклонника. — Тут он выжидательно уставился на меня. Как будто мне что-то должно было стать понятно. Пришлось уточнить:

— Романтика? — Кайвир настороженно кивнул. — Мне не совсем понятен смысл данного термина. Вы не могли бы уточнить?

Кайвир как-то безнадежно посмотрел на меня и отвернувшись к своему письменному столу, пророкотал: — Номи, я думаю Дорозо лучше меня разбирается во всем этом. Давай на время отложим наш разговор, а? — И он все так же, стоя спиной ко мне, махнул рукой куда-то в сторону двери. — Я немного занят. Так что, сама понимаешь...

— А что с подарком? Кто...

— Не сейчас, — повысил голос Кайвир. Правда, потом он тут же с гораздо более любезной интонацией добавил: — Если что понадобится, ты все равно заходи. Не бойся.

Я шла по коридору в сторону кухни и пыталась разобраться, что же все-таки случилось. Кайвир вел себя довольно странно. И был совершенно очевидно, что он вовсе не хотел называть никаких имен. Почему? Гадать о причинах можно долго. Единственное, что может пролить свет — это та самая «романтика». Придется вновь обратиться за помощью к Дорозо.

— Романтика? Прямо так и сказал? — Мой рассказ отчего-то очень позабавил пожилую повариху. — Что ж, я даже не предполагала, что Кайвир сам знает подобные словечки.

— Это что-то ужасное? — в голову полезли нехорошие мысли, но видя, что Дорозо лукаво улыбается, поняла, что все не так страшно. — Что это значит? Это должно помочь найти

владельца цветка.

А значение у слова оказалось несколько путанным, опять все основывалось на эмоциях или, как говорит Дорозо, тонких материях. Проще говоря, романтика — это тот необходимый элемент межличностных отношений, который свойственен гетерополоым парам. Она способствует зарождению и развитию отношений. Как выражается эта самая романтика? Конфетами, подарками, комплементами... Комплементами? Снова заморочки этих «чертей». С романтикой вроде разобрались, но вот как увязать это со своей находкой? Проявление этой самой рrrромантики? Теперь я запуталась окончательно и потому решила отвлечься от «тонких материй» на дела более приземленные. Не долго думая, я взяла мешок с крупой и, высыпав часть на ровный стол, принялась перебирать. Конечно, с одной рукой дело продвигалось не быстро, но меня ведь никто и не торопил.

И все-таки эмоции — это так утомительно!

Глава 7

Казалось, никого не смущали мои рыжие волосы. Все даже норовили потрогать их при любом удобном случае. Любопытство чертей можно было понять, но каждый раз ловя на себя взгляды «чертей» с непривычки хотелось куда-нибудь юркнуть и затаиться. Даже Кайвир, и тот, не стал исключением. А дело было так...

Я шла в кладовой отсек по поручению Дорозо, когда из-за угла вывернул наш Командир. Завидев меня он резко притормозил и как уже завелось, уставился на меня немигающим взглядом. Я сначала замешкалась, но свернуть куда-либо возможным не представлялось, и потому понижее пригнув голову постаралась побыстрее прошмыгнуть мимо. Но ни тут то было. Слишком узкий коридор не позволял держать дистанцию. Стоило мне только миновать Кайвира, как меня резко потянуло обратно. Осторожно повернув голову, я с удивлением обнаружила «черта», пытающего отцепить кончик моей косы, зацепившийся за стежку его кителя.

Пришлось приблизиться к эсхорцу, дабы облегчить процесс высвобождения. Кайвир тут же резко вскинул голову. Я наоборот опустила глаза и увидела, что Кайвир уже отцепил волосы и теперь держал косу в своей руке. Я удивленно покосилась на него: он чего то ждет? Ах, да:

— Извини, пожалуйста, я не нарочно. Я обязательно раздобуду какую-нибудь тряпку и уберу волосы. — На Кайвира мои слова, казалось не произвели никакого впечатления. Он все так же внимательно всматривался в мое лицо, но при этом начал наматывать на руку мою косу, тем самым вынуждая меня приблизиться ближе, чем позволял мой

инстинкт самосохранения. Как только расстояние между нами совсем исчезло, Кайвир неожиданно завел свои руки мне за спину и еще сильнее притянул меня к себе, утыкаясь лицом мне в макушку, разница в росте давал возможность сделать это беспрепятственно.

Такая близость пугала не на шутку. Я замерла и даже непроизвольно задержала дыхание. А над ухом раздался хриплый голос Командира:

— Не надо никаких тряпок. Не прячь. Я не разрешаю. — После этого он тяжело вздохнул, еще раз потерся лицом о мои волосы и, резко оторвавшись от меня, зашагал в сторону капитанской каюты.

Однако с тех пор в голове прочно засела идея избавиться от досаждающих лохм. Случай с Кайвиром еще больше уверил меня в необходимости подобного шага. Признаться, тот случай в коридоре меня здорово напугал и странное поведение Командира еще больше настроило против него. Слишком уж он непредсказуем. Но самое главное, я с удивлением поняла, что укоротив волосы я возможно смогу немного досадить ему, проявив своеволие.

Странное дело, раньше мне и в голову не пришло бы пойти против мнения вышестоящего, но здесь, среди этих странных «чертей», во мне проснулся какой-то странный дух противоречия. Значит, дело осталось за малым — найти режущий предмет и вынести его так, чтобы никто не видел. А уж в каюте я усовершенствую свой облик...

Итак, где на корабле можно раздобыть достаточно острый режущий предмет. В голову приходит два очевидных ответа: на кухне или в медицинском отсеке. Конечно, удобнее было бы раздобыть искомое на кухне. Вот только у «чертей» нет обычных в нашем понимании ножей. Продукты они помещают в специальные капсулы с вращающимися лезвиями и с помощью специальной программы, задающей определенную степень измельчения, получают уже ровно нарезанные продукты. Можно было бы попытаться открепить эти самые лезвия от устройства, но собрать аппарат обратно я вряд ли сумею, а портить чужое имущество очень не хотелось.

Стоит переключиться на медотсек. Наверняка, у Айкуса есть что-то предназначенное для рассечения мягких тканей. Вот только выглядит ли это как лезвие или же «эсхорцы» используют сфокусированное излучение высокой мощности? С последним у меня вряд ли что-то получится. Что ж в любом случае придется навесить кабинет Айкуса.

Как ни странно, врача в кабинете не оказалось... Весь письменный стол был завален какими-то пустыми емкостями. Вообще я давно заметила, что «черти» не очень то жалуют порядок. Хотя возможно, причиной тому служит обилие предметов в их обиходе, причем многие из них не несут никакой функциональной нагрузки, а используются лишь для «ублажения эстетической составляющей сознания». Стоит ли говорить, что ни о какой-то составляющей я ранее не слышала, но звучность подобного объяснения из уст Борнуса убедила меня в необходимости всяких статуеточек, картиночек, вазочек... Я даже согласилась повесить у себя в каюте небольшое изображение какого-то растения, неизвестного мне вида. Борнус, вручая мне этот шедевр, уверял, что это будет великолепным украшением моей безликой каюты. Подарок есть подарок, и потому я не споря позволила закрепить картинку на стене.

Итак, вернемся к насущной проблеме. Волосы было по-прежнему нечем отрезать. Я стала внимательно осматривать письменный стол и специальные полочки для инструментов, в надежде выискать что-нибудь пригодное для укорачивания волос. Чего только в кабинете не было, но тем не менее ничего более или менее подходящего не попадалось. И тут я заметила валяющуюся на полу пластинку, основание которой плавно переходило в узкую ручку. Края пластинки были достаточно острыми, конечно не совсем то, что нужно, но выбирать не приходилось. Рассудив, что если пластинка валяется на полу, то, возможно она и не настолько нужна Айкусу и значит, он вполне сможет обойтись без нее час, я поспешила покинуть кабинет, прихватив находку с собой.

К несчастью, далеко уйти мне не удалось. Прямо за дверью кабинета меня поджидал Кайвир. И уж очень внимательно он разглядывал зажатый в моей руке инструмент.

— Номи, потрудись объяснить, что ты делала в медицинском кабинете, в то время как Айкус находится в совершенно другом отсеке корабля. Я сам только что видел его в кухне в компании Дорозо и Борнуса. — Как выпутаться, я не представляла. Сказать правду я не могла. Врать не умела, меня не приучили ко лжи. Да и вообще зачем человеку врать? Только ради личной

выгоды, но у нас в Государстве уже несколько веков назад эта вредная привычка врать была изжита за ненадобностью. У каждый гражданин был обеспечен всем необходимым для жизни. Излишество не приветствовалось. Человек должен жить не ради себя, а ради своего Государства.

Но как быть с Кайвиром я не знала. Придется ответить максимально честно:

— Я не могу ответить на Ваш вопрос. — Казалось, Кайвир просто опешил от такой наглости:

— Как это не можешь? Ты что издеваешься надо мной?! — Похоже мне снова удалось вывести из себя нашего Командира. Он громко выдохнул и, крепко сжав кулаки поинтересовался: — Номи, давай спокойно поговорим. Что тебе мешает честно рассказать мне о причинах твоего э-э... пребывания в этом отсеке. — Он скосил глаза на зажатую у меня в руках пластинку. — И для чего тебе понадобилась лопатка для нанесения клейкой пасты? У тебя что-то сломалось в каюте?

Лопатка? Клейкая паста? Да, похоже я снова все перепутала. Но это не так страшно. Самое страшное как раз сейчас стоит передовой мной и дожидается ответа. Может если я буду просто молчать, он бросит свои расспросы и займется своими делами, коих у него как у командира предостаточно? Нет, отступать он явно не собирается. Я уже не раз замечала — мне его внимания всегда достаётся больше чем другим.

— Ну так что, Номи? Не хочешь сознаться? — Я лишь опустила голову пониже и вся как то сжалась. Чувствую, мне сейчас достанется. Однако следующий вопрос Кайвира меня немало удивил. — А где та заколка в виде Камалариса? Почему ты не носишь ее? — Я настолько растерялась от быстрой смены темы разговора, что ответила чистую правду:

— Цветок слишком заметный и привлекает много внимания и к волосам, и ко мне. — Кайвир изумленно уставился на меня, потом вновь посмотрел на лопатку, которую я продолжала все так же крепко сжимать в руках.

— Скажи-ка, ты ведь что-то задумала? Ты ведь не просто так пришла в кабинет Айкуса в его отсутствие? — Он крепко вцепился в моё плечо. Я замотала головой и попыталась отстраниться — не вышло. — Номи, я ведь не отстану от тебя, к чему упрямиться? для чего тебе лопатка? Ну? — Он слегка встряхнул меня. — Понять бы, что у тебя в голове. Ты же совсем другая, я не могу предсказать ход твоих мыслей, а ты и не спешишь поделиться ими со мной.

Как странно звучит: «поделиться мыслями». Что такого может быть в мыслях, что чужой человек желает их перенять. Снова эти странности, снова стремление «чертей» стереть все разграничения и принять как можно больше дополнительных проблем. Как будто с их сумасбродами эмоциями им мало своего безумия.

— Я не сделала ничего, способного навредить вашему народу. И не собираюсь. — Я стала пытаться разъяснить ситуацию. Мне казалось, что я сказала то единственное, что было для Кайвира важнее всего. И пришлось мне снова убедиться, что в логике эсхорцев и вообще в «чертях» я не понимаю ровным счетом ничего. От чего-то мои слова произвели на собеседника совсем другое впечатление: Кайвир сразу как-то напрягся, закусил губу и не говоря ни слова, решительно зашагал по коридору. При этом, меня он не отпустил, и теперь я дополнительным грузом тащила за ним.

Плечо горело под жесткими пальцами, а ноги с трудом поспевали за широким шагом «черта». Все это напомнило мне первый день на корабле, когда Кайвир и Фузий точно так же тащили

меня к кабинету Айкуса. Теперь, спустя почти месяц, ситуация была до странности похожа, вот только конвоир был один, да и двигались мы от медицинского отсека в сторону... Кажется, мы все-таки двигались в сторону кухни. Цель подобного маршрута была непонятна, но я вообще уже мало что понимала в своей такой непредсказуемой жизни.

На кухне наше странное появление встретили удивленные взгляды Дорозо, Борнуса и Айкуса. На последнего мне смотреть было крайне неловко. Обозрев, меня и Кайвира, Дорозо строго посмотрела на Кайвира и поинтересовалась:

— Что это ты вытворяешь? Разве так надо обращаться с девушками? Что это за манеры такие? Совсем одичал со своей работой? — Кайвир, казалось, немного смутился от такой отповеди, но потом принялся оправдываться с небывалым жаром:

— Это я-то вытворяю? Это все она. — Он выпихнул меня вперед на всеобщее обозрение. Взгляды присутствующих вопрошающе уперлись в меня. — Вот, она хотела зарезать себя лопаткой для нанесения клейкой пасты.

Выражение лицо у меня наверняка было не менее изумленное чем у Борнуса, который даже зачем-то открыл рот. Это я хотела себя убить? С чего ему в голову пришла такая глупость?

Спокойный Айкус решил все-таки разъяснить ситуацию:

— Кайвир, ты не мог бы поподробнее рассказать, как ты пришел к такому странному выводу? И будь добр, отпусти наконец Номи. Ты явно слишком сильно сжимаешь ее плечо. — Кайвир резко одернул руку и еле слышно пробормотал:

— Извини. — Тут он прочистил горло и продолжил: — Я видел как она в отсутствие Айкуса заходила в его кабинет, а вышла она оттуда не сразу. К тому же она вынесла из кабинета эту дурацкую лопатку, а на все мои распросы не отвечала, лишь только добавила, что ничего плохо делать НАМ она не планировала. — Кайвир, говорил это все торопясь и даже, как мне показалось, на одном дыхании.

Да, логика у «чертей» не выдерживает никакой критики, во всяком случае, логика конкретно этого индивида. Слушая его пересказ событий, я так и не нашла ничего такого, что могло бы указать на мое стремление покончить с собой. Борнус, который все-таки обрел дар речи, поинтересовался:

— Я конечно согласен, что все это выглядит странно, но по-моему вовсе еще ни о чем не говорит. — Кайвир лишь зло махнул рукой:

— Вы просто не видели выражение ее лица и то, как она вцепилась в эту лопатку. У нее же на лице написано, что она решила на что-то жуткое. Да и для чего бы ей еще нужна была эта дурацкая лопатка с такими острыми краями?

— Ну, варианты могут быть разными, — спокойно проговорила Дорозо. — Вряд ли все так трагично, как ты себе напридумывал. Быть может Номи просто хотела что-то отрезать или отпилить, а лопатка с острыми краями показалась самым пригодным для этого инструментом. — Она перевела взгляд на меня. — Я права, Номи? Может будет лучше, если ты сама нам все расскажешь?

Я и рассказала, посчитав, что раз дело приняло такой оборот лучше уж сразу во всем сознаться. На Кайвира я старалась не смотреть, понимая, что он это так просто не оставит.

Объяснение про волосы все встретили спокойно, правда Борнус слишком громко хохотал и все поглядывал на Кайвира. А тот молчал, крепко сжав зубы. Однако о том, что он в ярости свидетельствовали вздущиеся желваки на скулах. Все так же, не говоря ни слова, он быстро вышел из кухни.

— Да, не хорошо как-то получилось, — Покачала головой Дорозо. — Он же тоже переживал за тебя. — Тут она хлопнула по лбу не ожидавшего такого подвоха Борнуса. — Кто тебя просил так хохотать, а? Нашел чему веселиться! Знаешь же, что Кайвир насмешек не переносит! — Борнус лишь обиженно сопел, потирая пострадавший лоб. — А ты, Номи, впредь о всех своих идеях старайся предупреждать кого-нибудь из нас заранее, во избежание всяких недоразумений. А на Кайвира не сердись. Это он из лучших побуждений. — Тут Дорозо тяжело вздохнула. — Ладно, чего уж тут. Иди-ка ты, Номи, лучше себе в каюту: сегодня тебе, пожалуй больше не стоит пересекаться с Кайвиром. Ужин я тебе сама принесу. — Я кивнула, выражая согласие и пошла к двери. Уже на пороге меня догнал строгий голос Дорозо: — И выброси из головы эту глупую идею стричь волосы!

Остаток дня я по совету Дорозо просидела у себя. Даже мысли такой не возникло — послушаться и выйти — слишком уж меня страшила сама возможность наткнуться на Командира. С волосами так ничего и не вышло, а повторить попытку в ближайшее время вряд ли получится. Своим протестом я еще больше настроила Кайвира против себя, так что любой проступок с моей стороны будет рассматриваться как провокация.

Сейчас, оценивая свою неудачную попытку укоротить волосы, больше всего меня поразило не столько поведение Кайвира, сколько моё изначальное решение пойти ему наперекор. Для меня подобное поведение вообще не свойственно. Я всегда подчинялась иерархии и всегда неукоснительно следовала указаниям вышестоящих лиц. Здесь на корабле авторитет Кайвира не оспорим, и пусть я не часть команды, но его первенство не вызывает у меня сомнения. Откуда же это дикое чувство противоречия? Ведь идея остричь волосы окончательно укоренилась в голове, только когда он потянулся к моим волосам. Что со мной творится? Кем я стала среди «чертей»? Моё безумие здесь получило подпитку, и я полностью потеряла осторожность. Но я не эсхорка, я отношусь к совершенно другому биологическому виду, и то, что нормально у них, в моем случае является болезнью, патологией. У нас разная нервная система, и, безусловно, этим и определяются все отличия в нашем поведении. Для них такое поведение — адаптация к существованию, для меня — путь в никуда. Сейчас они не понимают насколько я отлична от других, они примеряют на меня стандарты своей расы, но что будет, когда они поймут кто я?

А ведь когда-нибудь этот полет закончится, и наверняка меня начнут обследовать, проводить какие-нибудь опыты. Тогда может и всплыть вся правда. Здоровой у меня есть шанс выжить и приспособиться в новых условиях Я буду представлять какой-то интерес. Но безумная, я вряд ли смогу на что-то рассчитывать. Наверяд ли меня захотят оставить в живых и тратить средства и ресурсы на моё обеспечение. Конечно, я бы смогла работать, но вот только доверят ли сумасшедшей туземке какую-либо работу?

Но самое жуткое в моем безумии — это то, что я вовсе не ощущала себя ненормальной. Мне было комфортно среди «чертей», мне даже понравилось то разнообразие ощущений и те слабые проблески эмоций, что я стала ощущать. Все это сделало мою жизнь какой-то яркой, полной, словно до этого я и не жила.

От всех этих мыслей в груди сразу как-то потяжелело, а в глазах странно зашипало. Захотелось лечь на узенькую койку и укрыться с головой одеялом. Что, впрочем, я и сделала. Странное ощущение в груди не проходило, но, несмотря на это и тяжелые мысли в голове, я очень скоро

провалилась в тревожный сон, так и не заметив, что подушка под моей щекой странным образом намокла. ***

Спала я плохо, постоянно вертелась. От чего-то было неуютно, тошно. Сквозь сон чувствовала, как начинает пульсировать в голове боль. Но тут макушки коснулась чья-то теплая рука. Она нежно гладила, перебирала волосы, даря покой и умиротворение. Под чуткие поглаживания я сразу как-то успокоилась и провалилась в глубокий сон.

Глава 8

На утро я проснулась на удивление отдохнувшей. Даже вчерашние события не могли выбить меня из колеи. Я потянулась всем телом и, откинув невесомую ткань, заменявшую здесь одеяло, одним движением выскочила из постели. Я была полна сил как никогда, и в ту минуту даже Кайвир уже не казался мне таким жутким. Наскоро одевшись, я было схватилась за здешний аналог расчески, чтобы привести волосы в порядок, но тут поняла, что мои волосы странным образом не болтаются на плечах, а аккуратно убраны назад. Я в недоумении подошла к отражающей панельке и с удивлением стала рассматривать косу причудливого плетения, в которую были убраны мои непослушные волосы. Прическа была сделана настолько мастерски, что даже после соприкосновения головы с подушкой, ни один волосок не выбился из плетения.

Что за ерунда? Кому пришло в голову приходить ко мне в каюту среди ночи, чтобы заплетать такую сложную «конструкцию». Да и как такое возможно технически? Во-первых, я ни разу не проснулась за все время, пока некто трудился над моими волосами, а времени на это, судя по всему, потребовалось немало. Во-вторых, уж больно это затруднительно заплетать волосы спящего человека, ведь наверняка требовалось как-то меня поворачивать, разворачивать то виском, то затылком, то лицом.

Конечно, я все еще помнила те нежные прикосновения к своим волосам во сне, но если честно, мне почему-то казалось, что это скорее плод моего больного воображения. Вряд ли кому-то из чертей пришла бы в голову подобная блажь.

Тут моё внимание привлекло какое-то сверкание в отражении. Повернув голову немного в бок, я наконец увидела источник сияния. Над моим правом виском была крепко закреплена заколка в виде Камалариса. Попадая под прямые лучи светильника, камни на драгоценном цветке переливались и искрились. Эффект был потрясающий.

Я растерянно смотрела на собственное отражение, не зная, как быть: то ли расплести все это и снять цветок, то ли пойти как есть. В результате, решив, что прическа довольно удобна и практична, я решила оставить косу. С заколкой все было сложнее: уж больно примечательной она была. С другой стороны, Кайвир же сам сказал, что ничего плохого в том чтобы ее носить нет. Наоборот, это бы очень уважило таинственного дарителя. Что ж, значит идем как есть.

И кивнув собственному отражению, я пошла в кухню, навестить Дорозо.

В коридоре меня уже поджидал Борнус. Пускай я и не очень хороший физиономист, однако его нетерпение стала очевидно и мне. Только завидев, он тут же рванул в мою сторону:

— Номи, как хорошо, что ты рано встала и мне не пришлось долго тебя дожидаться! — Казалось, «черт» вот-вот подпрыгнет от раздражающего его нетерпения. — Я только что придумал, как нам тебя расшевелить: мы будем слушать музыку!

Скорее всего, Борнус надеялся на бурную реакцию с моей стороны, однако, его предложение вызвало скорее недоумение. Что подразумевает под собой это странное «расшевелить»? И причем тут музыка? Конечно, я знала, что это такое. Раз в год наше Государство устраивало праздничный марш. Все жители отдельно взятого города выстраивались в стройную колонну и вышагивали в одном ритме. Темп движения задавался звучащей из специальных динамиков музыкой. По сути, что такое музыка? Это звуки разной высоты, раздающиеся через одинаковые интервалы. Так что, музыка — это способ организовать движение большого числа людей. Вот собственно и все. Так что энтузиазм Борнуса был мне непонятен. Неужели, все присутствующие на корабле станут вышагивать в едином темпе по узким коридорчикам? Или у «чертей» музыка в себе несет еще какую-то смысловую нагрузку? Что ж, теперь я, пожалуй, вряд ли чему удивлюсь.

Поприветствовав парня и выразив на словах нетерпение от предстоящего ознакомления с иноземной музыкой (не стоит обижать одного из немногих доброжелательно настроенных «чертей»), я сначала предпочла все-таки зайти в кухонный отсек и навестить Дорозо.

Мне было крайне неловко перед пожилой эсхоркой. Моя рука все еще оставалась забинтованна и потому пользоваться ею для меня было крайне проблематично. Вот Дорозо и отстранила меня от всех дел, только изредка посылала с мелкими поручениями: спросить или на словах передать что-то кому-то.

С утра дел для меня пока не нашлось, так что пришлось мне следовать за Борнусом в одну из гостиных-кают, где и находилось устройство воспроизводящее эту самую музыку.

Усадив меня в одно из многочисленных кресел, Борнус быстро пощелкал что-то у жуткого вида устройства и плюхнулся в соседнее с моим кресло.

Да, мебель у «чертей» невероятно удобна. Занимаемое мною кресло настолько мягко обхватывало тело, при этом создавая упругую опору, что я тут же расслабилась и при этом пропустили момент, когда помещение наполнили звуки. Я даже не сразу поняла, что это и есть музыка. Но уместно ли одним и тем же словом именовать совершенно разные явления? В моём сознании музыка прочно ассоциировалась с чем-то монотонным, однообразным. Сейчас же в воздухе разливалась причудливая вязь из целого ряда отличных и, казалось бы, несочетаемых звуков. Разные по высоте и продолжительности звучания, вместе они рождали удивительно гармоничное целое. И да, это действительно так, у этого собрания звуков были свои эмоции! Они без труда улавливались стоило лишь немного прислушаться. И что самое странное, я как будто бы сама переживала все то, что было заложено в этих звуках.

Не знаю, как долго я просидела полностью обратившись в слух. Для меня это было открытием, чем-то новым. Я как будто нашла что-то, что искала всю жизнь. Где-то в груди творилось что-то невообразимое: сжималось, ёкало, щекотало откуда-то изнутри. Я даже подумало, что со мной вновь приключился этот, как его назвал Айкус, инфаркт. Но той колющей боли, как в прошлый

раз, не было, поэтому я отбросила все посторонние мысли и вновь погрузилась в звуки.

И тут кто-то настойчиво потряс меня за плечо:

— Эй, ты как? — Перед глазами всплыло улыбающееся лицо Борнуса. — Ты так неподвижно сидишь уже полдня и ни на что не реагируешь. Я уж было подумал, что ты в коме, и пожалел, что притащил тебя сюда. Ну что, как тебе эта какофония?

Смысл слова «какофония» я не поняла, но навряд ли я вообще сейчас смогла бы что-то осознать и внятно ответить. Я лишь вяло покачала головой и кое-как выбравшись из столь любившегося кресла, потрясла затекшими от длительного сидения конечностями и нетвердой походкой побрела к выходу из каюты.

Лишь в коридоре Борнус заметил изменения, произошедшее с моей прической:

— Что это у тебя такое на голове? — Его внимательный взгляд остановился на цветке: — Камаларис? Ты никак теперь под защитой Рода? И кто у нас такой шустрый? — Он выжидательно уставился на меня. Но я лишь пожала плечами:

— Сама не знаю. Когда я проснулась, волосы были заплетены, да и цветок уже появился.

Борнус, как мне показалось, остался недоволен таким ответом. Всю дорогу до кухонного отсека он озадачено хмурил брови, но так ничего и не сказал.

Крутящаяся на кухне Дорозо обрадовалась нам: она только что приготовила какое-то невероятное блюдо и теперь хотела во чтобы то ни стало накормить меня. У нее вообще теперь, казалось, главной целью стало откормить меня до огромных размеров. Она то сразу заметила мою прическу, но в отличие от Борнуса воздержалась от расспросов, лишь заметив, что так мне лучше.

Кроме нас тут же в уголке сидел и Айкус. Он поприветствовал нас дружелюбной улыбкой и жестом подозвал меня к себе.

— Ну что Номи, как рука? Все еще ноет? — Он внимательно прощупывал мою перебинтованную конечность. То здесь, то там простреливала боль, однако я будучи наготове, пока успешно ее блокировала. — Я думаю сегодня можно будет снять перевязь и тогда я смогу уже более точно составить прогноз. Так что после того как перекусишь, зайди ко мне в кабинет.

Доктор похлопал меня по плечу (жест выражающий дружелюбие у «чертей») и неспешно удалился из кухни. И тут же мое внимание переключилось на Дорозо, а точнее на огромное блюдо, которое она в этот момент водружала на стол. Воздух наполнился одуряющим ароматом чего-то сладкого. И я на время забыла и о руке, и о музыке — вообще обо всем.

Пожалуй, такая еда — действительно угроза для всякой стойкой психики. И фигуры.

Насытившись, я, отказавшись от добавки, поспешила к Айкусу. Признаться, рука сильно беспокоила меня. И дело было вовсе не в физическом дискомфорте. Нет, меня пугал статус калеки. Ведь это прямой путь к уничтожению. Я и так являюсь незапланированным пассажиром на корабле. А по прибытии на планету «чертей» еще не известно, что со мной будет. Вряд ли со мной будут возиться. А с одной рукой устроиться будет сложнее. Что ж, в любом случае Айкус еще не сказал своего слова...

— ...вряд ли восстановится. Слишком уж сильно Фузий приложил по твоей руке. — Айкус, хмурясь, накладывал новую повязку. — Внешне рука возможно будет выглядеть как прежде, но это только при условии, что тобой займется специалист по эстетической реконструкции. К сожалению, здесь на корабле у меня под рукой нет всего необходимого оборудования. Да и в этой области я не очень уж компетентен.

Пока что рука и впрямь выглядела пугающе. Да что там пугающе, со стороны все выглядело просто ужасно! Распухшие, красные, какие-то деформированные пальцы внушали отвращение. С такой рукой даже и думать не стоило о том, что эсхорцы отнесутся ко мне нормально.

Айкус все еще продолжал что-то говорить. Он явно старался меня приободрить и успокоить, но во взгляде его то и дело мелькало сомнение. Конечно, ведь он тоже должен понимать, что просто так мне никто не предоставит хорошего специалиста. Зачем другому государству тратиться на индивида не являющегося его подданным, да и вообще относящегося к другому биологическому виду. Стоит учитывать и разницу в анатомическом строении и физиологии — все это наверняка осложнит процесс лечения и увеличит затраты. А свое лечение я навряд ли смогу быстро окупить. Физическая деятельность для меня временно ограничена, а интеллектуальный труд не возможен из-за незнания научных понятий и бытовых норм другой цивилизации. Да что там говорить, у них же возможно и физические законы другие. На каком этапе развития их наука? Какая наука, я ведь и говорю-то на эсхорском языке с трудом! В основном отмалчиваюсь.

Попрошавшись с доктором, я в растерянности побрела в каюту. В голове крутился ворох мыслей. Что делать? Как выжить? Как распорядиться оставшимся до прибытия временем, чтобы убедить «чертей» в своей полезности для их общества? Если рассуждать по стандартам нашего общества то формула проста. Работоспособность минус затраты на содержание равно польза. И как повысить результат? Первый вариант: повысить работоспособность, что в моем случае весьма затруднительно. Второй вариант: снизить затратность собственного содержания. Пожалуй, это вполне реально. Сейчас я ем наравне со всеми, но ведь работаю я гораздо меньше. Значит, если снизить количество потребляемой пищи, то обходиться я буду меньшими затратами. Но стоит учитывать и стоимость употребляемых продуктов. Конечно, я не могу знать наверняка, но по логике, чем больше в кладовых отсеках какого-либо продукта, тем ниже его стоимость. Я уже не раз посещала складские помещения по поручению Дорозо и потому знала, что на корабле в огромном количестве хранится некий корнеплод с нейтральными вкусовыми качествами. Пожалуй, по вкусу он более всего напоминал наши безвкусные белковые коктейли.

Когда во время обеда я скромно положила на тарелку лишь маленький гуафу (именно так

назывался выбранный в целях экономии корнеплод), Дорозо попыталась было подложить мне еще и ароматный кусок мяса. Но я так энергично замахала руками, что даже немного напугала сидящих рядом со мной «чертей». Кто-то из присутствующих даже пошутил, что это, пожалуй, самая бурная реакция с моей стороны за все время пребывания на корабле. Дорозо же свои попытки подкормить меня оставила, но до конца обеда нет-нет да и поглядывала на меня вопросительно.

После мне пришлось подойти к заботливой эсхорке и объяснить свое поведение. Придуманное мной оправдание звучало так: от непривычной для организма пищи я последнее время чувствую какое-то недомогание и потому решила ограничиться продуктом, который по вкусу и консистенции более всего соответствует привычному мне рациону. Не знаю, поверила ли Дорозо мне, но дальнейших расспросов не последовало.

Глава 9

Вот уже неделю я борюсь за собственную жизнь. Это даже странно: там, на Земле, я приняла мысль об эвтаназии как нечто неминуемое. Конечно, я не хотела для себя подобного исхода, но мне и в голову не пришло пытаться что-то изменить. Сейчас же, после погружения в бьющую эмоциями жизнь «чертей», во мне проснулся настоящий борец. Я стремилась к жизни, при этом, как бы странно это не звучало, подавляя в себе инстинкт самосохранения. Природа заложила в людях потребность питаться, и моему организму претило отказываться от первичной человеческой потребности. Хваленое умение подавлять дискомфортные ощущения уже не спасало. Впрочем, желудок уже давно перестала мучать голодная резь. Сложно было первые три дня. Тогда чувство голода буквально сводило с ума. Тело требовало нормальной подпитки, а не какую-то одну жалкую гуафу в сутки. Я как могла подавляла в себе желание насытиться и старалась отвлечься от собственных ощущений. К слову сказать, объектом моего внимания стала работа. Любая работа на этом корабле. Я перебрала уже половину запасов крупы на этом корабле. Для этого я иногда просиживала ночи напролет в кладовом отсеке. Я успела принаровиться все делать одной рукой. Наверняка, со стороны мои потуги выглядели нелепо, но ночью сюда никто не заглядывал, так что я монотонно в одиночестве делала свою примитивную работу. Рука уже могла все делать на автомате, так что даже, когда вялое сознание куда-то уплывало, тело выполняло установленную программу. Об утраченной возможности поспать я не жалела, так как все равно уснуть на голодный желудок непросто, да и если просто лежать, ничего не делая, в голову обязательно ползут мысли о еде.

Днем я тоже не бездействовала. Конечно, все усложняла Дорозо, которая буквально не подпускала меня ни к чему. Ее крайне удивила моя активность при столь скудном питании. Пришлось, вновь выкручиваться. Пользуясь тем, что «черти» имеют весьма смутное представление о нашей физиологии, я стала объяснять, что наш организм работает на значительно меньшем количестве энергии, нежели у эсхорцев. Попав на корабль я стала употреблять слишком питательную и непривычную для пищеварительной системы пищу. И как результат, плохое самочувствие. Но сейчас, благодаря, более привычной малокалорийной диете ко мне вновь вернулись силы. Вот и все.

Да, я снова соврала. Трудно поверить, как я быстро освоила эту науку. Мне было очень плохо от того, что я вру существам, желающим мне добра. Но ведь с другой стороны, без этой лжи эти же существа и утилизируют меня по прибытию на свою родину и выяснении статуса моего здоровья. Хотя быть может, Кайвир не станет ждать и, узнав у Айкуса подробности, отдаст приказ еще в космосе. Деваться мне отсюда все равно некуда.

Подобные мысли крутились в голове постоянно, подстегивая к новой работе. Поскольку

находиться на кухне возле Дорозо мне было крайне неловко, я все меньше виделась с ней и стала частенько заходить в кабинет к Айкусу, к счастью там работы хватало сполна. Медицинский отсек требовал каждодневной и крайне тщательной уборки с применением дезинфицирующих средств. Конечно, Айкус пытался запретить мне возиться и наводить чистоту, но я так убедительно пыталась его убедить в необходимости чем-нибудь себя занять, что он под конец сдался, правда напоследок попросил не напрягать покалеченную руку.

К счастью, Борнус в тот момент не мог меня контролировать: Кайвир привлек его к работе, пытаясь найти замену разжалованному Фузию. Теперь эти двое пропадали в командирском отсеке, зарывшись с головой в какие-то документы. Это меня радовало, так как врать еще и Борнусу было бы чересчур сложно. Да и Кайвир не так-то наивен (к слову сказать, его реакция меня и пугала на тот момент больше всего).

Коса давно расплелась, и я, стянула волосы в привычный узел, снова натянув на него найденный в кладовке кусок серой ткани. Камаларис я оставила лежать на столе в занимаемой мной каюте. Я завернула его в ту же бумагу, в которой и нашла, положив на стол на самое видное место. Безусловно, узнав о моей бракованности, даритель наверняка захочет вернуть обратно столь ценную вещь. Надеюсь, он догадается поискать цветок в отданной мне каюте.

Дни шли, я находилась в каком-то лихорадочном состоянии: все время суетилась, боялась остаться без дела, постоянно оглядывалась, стараясь не столкнуться лишней раз ни с кем из чертей. Умом я понимала, что мое состояние нормальным назвать никак нельзя и долго мне так не продержаться, однако взять себя в руки не получалось. А еще меня скрутил страх. Я поняла, что действительно значит это слово. Мне казалось, что вот-вот из угла выбежит группа «чертей» и меня выкинут в открытый космос или же Айкус по приказу Кайвира вколет мне какой-нибудь яд.

Так длилось семь дней. На утро восьмого, когда я очнулась в кладовом отсеке сидя, привалившись к какому-то ящику, я поняла, что встать не смогу. Покалеченная рука распухла и ныла. Конечные фаланги согнутых пальцев побагровели. Но испугаться я уже не смогла. Хотелось забиться куда-нибудь подальше. По яркому режиму освещения я определила, что сейчас утро, а значит Дорозо должна вот-вот прийти за необходимыми для завтрака продуктами. Нужно было срочно куда-то убежать, чтобы не обнародовать свое состояние, но сил не было.

Я попробовала было встать на ноги, но как только я опустила руку, которой опиралась на стену, колени стали подгибаться. Пришлось ползти. К счастью, недалеко от себя я заметила небольшой проем между огромными контейнерами с продуктами. Пришлось приложить немало усилий — и вот я в укрытии.

Спешила я не зря. Почти тут же двери разъехались в стороны и в кладовую осторожно бочком зашла пухленькая Дорозо. Она настороженно оглядела помещение, заглянула за стоящие возле двери тюки и, так ничего и не взяв, вышла. Довольно странное поведение, она явно что-то искала. Или кого-то. Неужели меня уже разыскивают? Как быстро они приняли решение. Стало как-то... обидно. Да, обидно — пожалуй, это определение больше всего подходит, чтобы описать щемящее чувство в груди. Глаза стало подозрительно щипать.

Возможно, в другом состоянии я бы еще больше ушла в столь новые для себя переживания, но сил уже ни на что не оставалось. Сейчас, наверное, мне стоит все же немного поспать, а уж потом я что-нибудь придумаю. Возможно, вновь возьмусь за сортовку, а может просто аккуратно расставлю те маленькие емкости с маслами и очищу от скопившейся пыли. А может... Может... позже решу... только посплю... немного.

Незнаю, сколько я спала. Хотя это было скорее какое-то забытье, нежели здоровый сон. Голова гудела, сквозь сон я словно издали слышала, как меня зовут. То Борнус, то Дорозо, то мой возможный палач Айкус. Я даже сквозь сон слышала голос Кайвира, но смысл того, что он говорит, до меня никак не доходил. Наверное, это своего рода защитная реакция, ибо я заранее на подсознательном уровне понимала, что ничего хорошего мне от него услышать не придется.

Меня кто-то тряс за плечо, окликая по имени. Что за странное имя они мне дали! Номи, Номерия! У меня все время такое ощущение, будто бы обращаются к кому-то другому. Я номер 1027!

На мгновение я вновь пришла в себя и даже попробовала открыть глаза. Увиденное заставило истошно закричать. Никогда в жизни мне не приходилось повышать голос. Сначала я даже не поверила, что этот жуткий крик исходит от меня.

Надо мной с иглой в руках склонился Айкус. Я задержалась и попыталась отползти назад, но кто-то сзади удерживал меня за плечи, прижимая руки к туловищу. Я билась в стальном захвате, кричала, просила дать мне шанс, заверяла в своей полезности. Некто удерживающий меня что-то шептал мне на ухо, но я не вслушивалась. Все моё внимание было сосредоточено на Айкусе, который неумалимо приближал илу к моему предплечью. Я снова попыталась вывернуться, но тут игла все-таки проткнула кожу. Замерев, я с ужасом смотрела на место прокола, с трудом понимая, что дело сделано. Все вокруг начало кружиться, а глаза отказывались фокусироваться на предметах. А потом пришла темнота. ***

И снова кто-то осторожно пербирает пряди рыжих волос, снова гладит по голове, успокаивая. В теле какая-то необъяснимая легкость. Так приятно. Возможно, это вновь моя фантазия, но я ей рада. Я так устала. Я все время была одна и только сейчас я поняла, что это одиночество меня всегда тяготило. Хотелось быть нужной, хоть кому-нибудь.

Вот они последствия эмоций, я ими заразилась и теперь они меня мучают хуже любой болезни. Но зато я узнала, что значит жить. То время, что я провела среди «чертей» дало мне многое. И я не жалею ни о чем. Я прожила дольше, чем мне отмерили мои сородичи, пускай не намного, но событий в этом коротком отрезке времени хватило бы и не на одно мое никчемное существование на Земле. Но я устала. Так устала. Я не шучу, эмоции действительно очень утомительны. Они выматывают хуже любой физической нагрузки. Быть может за века наша раса потеряла тот внутренний резерв, необходимый, чтобы вынести это бремя. Мы обленились, разучились чувствовать. Мы потеряли эту величайшую способность. Я не знаю, что ждет выживших людей после нападения эсхорцев, но надеюсь со временем, пусть даже через несколько поколений, эмоции вернуться в мир людей.

Все эти мысли бродили в моей голове, пока я собиралась с силами, чтобы открыть глаза. Да, я чувствовала, что все еще жива. Пускай очень слаба, но во мне еще теплилась жизнь. И я все еще ощущала чье-то присутствие возле себя. Те же поглаживания. С огромным трудом я приподняла. И тут же захлопнула: надо мной навис Кайвир...

Время застыло. Страх сковал, я даже непроизвольно задержала дыхание. Только сердце колотилось как сумасшедшее.

— Номи, — низкий голос, звучит непривычно мягко. — Номи, открой глаза. — Но я боялась смотреть на него. Меня буквально душил страх. Ничего не видя, я словно пряталась от предстоящего испытания.

И тут, снова нежное касание. Снова кто-то уверенно проводит по волосам. Глаза

распахиваются сами собой. Кайвир. Это он? Как неожиданно видеть этого вечно хмурого «черта» за проявлением ласки.

— Зачем? — Во рту все пересохло, и мой голос звучит глухо и еле слышно. Но он услышал и, не переставая гладить по голове, посмотрел мне прямо в глаза.

— Ты спрашиваешь зачем? Я тот же вопрос задаю себе все то время, что ты здесь. — Его лицо скривилось словно от боли. — Зачем притащил тебя на корабль? Зачем всюду слежу за тобой словно одержимый? Зачем подарил тебе этот дурацкий Камаларис? — От неожиданности я вздрогнула, но он лишь усмехнулся, заметив мою реакцию. — Вот видишь, надеялся расположить тебя к себе, а ты даже и не догадалась, от кого и почему. Ты такая...такая другая. Я теряюсь. С тобой привычная мне логика оказывается бессильна. — Тут он как-то ловко завел одну руку за мою спину и приподнял меня. Я оглянулась и поняла, что все это время лежала на кровати в медицинском отсеке. Кайвир же сидел на краешке занимаемой мной койки.

Сейчас он смотрел куда-то в сторону, впрочем не отнимая руки от моих плеч. Он говорил медленно и как-то глухо, как будто обращаясь к самому себе:

— Когда мы вошли в уже разгромленный город, там на Земле, я еще не представлял масштабов той катастрофы, что только что произошла по моей вине. Конечно, я всего лишь вояка, и не мне решать, быть ли войне или нет. — Тут он снова как-то болезненно сморщил лицо. — Хотя какая же это война! Мы вообще не встретили никакого сопротивления. Ваша цивилизация ничего и не могла противопоставить нашей технике. Это было так странно: ни ответных выстрелов, ни криков ужасов, ни рева детей и женщин, никаких следов паники — ничего. В тот момент я мог понять Фузия, посчитавшего вас неживыми, бездушными машинами. — При этих словах, я было попробовала отодвинуться от него, но «черт» мгновенно положил вторую руку на мое плечо и лишь сильнее придвинул к себе. — Шагая по уничтоженному городу, я даже ни на минуту не пожалел о содеянном. Но это лишь пока не увидел тебя. — Тут он наконец посмотрел на меня. — Я сам не понимаю, как так вышло. Мы зашли в руины того здания, вокруг лежали одни тела. И тут ты пошевелилась и открыла глаза. И я пропал. Звучит глупо?! Я тогда сам не понял, что со мной происходит, но мне стало так... так неприятно, что из-за меня ты лежишь в такой пыли, посреди осколков. — Кайвир неожиданно уткнулся носом мне куда-то в шею. Горячее неровное дыхание вызывало нервную дрожь, а он все продолжал свою такую странную исповедь. Да, пожалуй, это устаревшее понятие наиболее точно могло бы описать что и, главное, как говорил этот странный «черт». — Такого взгляда как у тебя я никогда прежде не видел: огромные глаза, смотрящие на мир так изумленно, так наивно. Так смотрят дети. Ты другая, ты совершенно ни на что не похожа, но твой взгляд, он просто не дал мне шансов. Я сам не знал, что настолько впечатлителен. Зачем потащил с собой на корабль? Возможно, здесь свою роль сыграла жалость. В разрушенном городе тебе было не выжить, а добить собственноручно я просто не смог, хотя Фузий прямым текстом посоветовал поступить именно так. — И снова тяжелое дыхание на шее вызывает новую порцию мурашек, снова его борода царапает кожу.

«Не хочу так близко! Отодвинься!» — кричало сознание, но как я могла. Вся моя жизнь зависела от этого существа, держащего меня в своих цепких объятиях. Зачем все эти касания? К чему столь тесный контакт? В жизни мне не приходилось терпеть ничего подобного. В том, чтобы косаться чьей-то шеи, было что-то слишком личное. Еще на Земле, я читала, что животные подставляли шею только вожаку стаи или своему партнеру по воспроизведению потомства. А еще хищники настигая добычу, старались сразу вонзиться клыками именно в эту часть тела, чтобы мгновенно убить жертву. А в том, зубы у «чертей» достаточно острые, я уже убедилась. Да и мясо они употребляли в огромных количествах. От подобных мыслей я снова задрожала, и из горла вырвался толи вздох, толи всхлип.

Кайвир оторвался от моей шеи и с удивлением посмотрел мне в лицо.

— Боишься? — И вот на его лице уже блуждает легкая улыбка. — А ведь я даже могу тебя понять, пожалуй. — От удивления из головы на мгновение выскочили все страхи. Понять меня? С момента моего появления на корабле пониманием не мог похвастаться никто: ни в конец запутавшиеся «черти», ни я. А Кайвир между тем продолжал: — Ты же, наверняка, ничего не поняла из того, что я сказал. Тебе все так же не ясны мотивы моих поступков. А я все сижу рядом и прижимаюсь к тебе. А ведь ты боишься, Номи, признайся. Я тебя попрежнему пугаю. Почему именно я? Ведь Борнуса же ты не боишься? Что во мне такого отталкивающего? — Я растеряно молчала. Что сказать? Как на это ответить? Для меня он одна сплошная угроза: огромный, хмурый, вечно следящий за каждым моим шагом. Сказать как есть — значит обидеть.

Так мы и сидели. Кайвир рук так и не убрал, удерживая меня возле себя. Но он явно что-то обдумывал. Молчание тянулось долго, но мне и в голову не приходило его нарушить. Наконец «черт» спросил, и его вопрос поставил меня в тупик:

— А ваши мужчины бороды не отращивают? На Земле мне не встретилось ни одного даже с щетиной? Они у вас все такие? — Несмотря на странность вопроса, я поспешила ответить:

— Все. Это не принято: не гигиенично. — Мой ответ, казалось поставил его в тупик. Подумав, он прямо посмотрел на меня и сказал:

— Номи, теперь все будет по-другому. Прямо с сегодняшнего дня я буду всегда возле тебя. Или ты возле меня. — Я уже было открыла рот, чтобы спросить, но он не дал мне и слова вставить. — Привыкай. Так надо. Не спрашивай, зачем. Просто, так будет лучше.

«Для кого лучше? Зачем все это? Что за странные вопросы? Почему „черти“ всегда все усложняют? Камаларис, эта возня с моими волосами? Да что ему нужно?» Множество вопросов крутилось в голове, но ни одного я не задала вслух.

Наше с Кайвиром уединение нарушил Айкус. Завидев на пороге его немного сутулую фигуру, я испытала настоящее облегчение.

— Номи, ты очнулась! — Голос Айкуса так и лучился радушием. — Ты нас, признаться, напугала своей голодовкой. Пришлось насильно вводить питательный комплекс тебе внутривенно. — Ну вот, а я-то себе напридумывала. — Там Дорозо уже рвется принести тебе кучу всяких вкусностей. И не надо нам больше рассказывать байки про непривычную еду. Мы не так наивны. Да и из тебя лгун никудышный. — Айкус, неожиданно закрыл и быстро открыл один глаз. Что за странная мимика?

Наверное, мое недоумение было слишком очевидно. Видя мою реакцию, оба «черта» довольно рассмеялись.

Может Кайвир и понимает меня, но вот я, что касается «чертей», пожалуй, безнадежна.

И в этом я в очередной раз убедилась, когда на следующий день меня вновь пришел навестить Кайвир. И сначала я даже не узнала его: он начисто сбрил свою бороду.

Глава 10

И все действительно изменилось. Теперь я была вовсе и не я, со мной повсюду был Кайвир. Куда бы я ни шла: на кухню к Дорозо, в складской отсек, в медицинский кабинет Айкуса —

Кайвир неизменно следовал за мной. Такая настойчивость изумляла, но «черта», казалось, все вполне устраивало. Его лицо неизменно каждый день было чисто выбрито, что поначалу вызвало всеобщий интерес со стороны членов команды. Оказалось, им прежде никогда не приходилось видеть Коммандира без бороды. Со всех сторон так и сквозило любопытством, но Кайвир сам не спешил его удовлетворить, а смельчаков напрямую спросить не находилось. Дорозо же, единственная, кто не пригибался перед Коммандиром, вопросов задавать не стала. Как мне потом рассказывал навестивший меня Борнус (я пока почти все время отлеживалась в своей каюте), повариха лишь внимательно оглядела начальство во время обеда и поспешила спрятать невольную улыбку. И как потом Борнус ее не упрасивал, своими догадками она делиться не стала. Тут то молодому «черту» и пришло в голову навестить меня, дабы вызнать последние новости из жизни Кайвира, но я ничем особенным порадовать его не смогла, лишь посетовала на странное внимание к себе со стороны все того же Кайвира. Борнус в ответ скептически посмотрел меня и собирался было что-то сказать, но тут на пороге появился не раз упомянутый в разговоре индивид и так грозно взглянул на тут же съездившегося Борнуса, что тому ничего более и не осталось как спешно попрощаться.

После поспешного бегства молодого «черта» Кайвир с невозмутимым лицом прошел в мою каюту и уселся в уже ставшим привычным ему кресло. Правда по пути к нему он успел поправить на мне одеяло, поплотнее подтолкнув его под ноги. При е приближении Кайвира сердце забилось быстрее, но «черт» пристально посмотрел мне в глаза и как ни странно, я сразу успокоилась, поняв что вредить он мне не намерен. Во всяком случае, пока.

Надо сказать, что Кайвир довольно прочно обосновался у меня. Он распорядился притащить стол из собственного кабинета и теперь с комфортом занимался собственными делами, не выпуская меня из виду. К себе он уходил только ночью, но только после того как я засыпала. Приходил он уже утром, сразу же принося с собой завтрак для меня.

Не знаю как бы я пережила эти дни, наполненные присутствием Кайвира, если бы не успокоительные пилюли Айкуса. От них постоянно клонило в сон, а проснувшись я все равно оставалась какой-то вялой. Периодически сквозь сон я вновь чувствовала все те же ласковые прикосновения, однако старалась не вспоминать, от кого они исходят. В те моменты мне было так хорошо!

Надо сказать, по прошедшествии недели Кайвир пошел еще дальше и стал то дело касаться меня и в дневное время. То ни с того ни с сего погладит плечо, то легонько проведет ладонью по моей щеки, но хуже всего было когда он присаживался ко мне на кровать и пользуясь моей растерянностью обнимал. Просто обхватывал своими ручищами и прижимался близко-близко. Обняв, он, как правило утыкался носом куда-то мне в макушку или шею. Кайвир мог сидеть так бесконечно. Первое время, почувствовав возле себя «черта», я неизменно дергалась в сторону. Конечно, мои слабые попытки отстраниться никакого эффекта не производили: объятие только крепчали.

Однако потом случилось нечто совсем выходящее за рамки моего понимания. А было все так...

Вот уже который день я мучилась от безделья: Дорозо с каким-то сверхъестественным упорством отказывалась от моих предложений помочь, а Кайвир, неизменно следовавший за мной повсюду, пересекал любые мои трудовые порывы на благо общественности. С непроницаемым выражением на лице он просто подхватывал меня под локоть и уводил в сторону каюты. Конечно, «черти» действовали из лучших побуждений (все же голодовка и чрезмерная нагрузка не слишком благотворно сказались на моем здоровье), но я чувствовала себя намного лучше, да и рука уже почти не ныла. Наличие такого количества свободного

времени было в диковинку, и неизменно порождало какое-то странное чувство вины.

В тот день я почти все утор просидела в каюте рассматривая мельчайшие неровности и бороздочки на стене. Кайвир как обычно с головой погрузился в свои документы, изредка поглядывая в мою сторону. Чтобы хоть чем-нибудь себя занять, я решила перебинтовать покалеченную руку, и заодно втереть мазь, накануне выданную мне Айкусом.

Рука по-прежнему представляла из себя нечто странно изогнутое. Покорёженные пальцы, немного сплюснутая в боковом направлении ладонь — жалкое зрелище. Таким, скорее всего, оно и останется. Безусловно, я понимала, что в данном случае полное излечение вряд ли возможно, но все равно, каждый раз вид изуродованной конечности вызывал по телу дрожь.

Я взяла стоящий на прикроватной тумбочке флакончик с мазью и хотела было выдавить на ладонь немного, как Кайвир резко подскочил из-за стола:

— Подожди, я сам! — От удивления я опешила. Я еще могла стерпеть его постоянное присутствие возле себя и все эти физические контакты, но позволить дотрагиваться до изувеченной руки было выше моих сил. Я даже не позволяла рассматривать своё новоприобретенное уродство никому кроме Айкуса, ведь он врач. И тут какой-то черес чур бесцеремонный «черт» пытается выудить меня демонстрировать свою неполноценность во всей красе, как будто ему мало того, что по его милости я теперь вынуждены оставлять непокрытой голову. Пользуясь тем, что я теперь уже не могу причесываться ак же ловко как раньше и вынуждена обращаться за помощью, Кайвир с неизменным упорством сам заплетал мои волосы, хотя последнее время он оставлял их и вовсе распущенными. Дорозо же он строго запретил что-либо поправлять. Мало ему волос так он теперь и за руку мою взялся! Ну нет! Только Кайвир уселся на постель возле меня, я резко убрала руки за спину и с вызовом посмотрела ему в лицо. Да, я не опустила взгляд как это бывало прежде. Я бросала вызов. Кайвир, казалось, опешил от моего протеста и даже на мгновение замер с протянутой ко мне рукой. Впрочем он быстро взял себя в руки:

— Номи, ты протестуешь? — На лице «черта» появилась какая-то хитрая улыбка. В тот момент Кайвир, действительно, стал крайне похож на черта с иллюстрации из книги о верованиях древних людей, которую я когда-то скачала еще на Земле из библиотечного архива. — Протестуешь? Неужели, ты считаешь, что я, возглавляя целое войско, не знаю, как справиться с бунтовщиками? — Взгляда я не отводила, хотя в душе уже зародилась паника, слишком уж уверенно говорил этот субъект. — Ну ладно, Номи. Я всегда считал, что главное, вызвать растерянность у оппонента, не обязательно вредить, главное выбить почву из-под ног. — И тут Кайвир резко подался вперед. Огромные ручищи словно клещи обхватили за плечи и притянули к широкой грудной клетке. Но и на этом Кайвир не остановился. Низко склонившись, он зачем-то прижался своими губами к моим.

Сказать, что я растерялась, значит не сказать ничего. Столь странных контактов Кайвир себе ранее никогда не позволял. Вроде ничего такого особенного, но что-то в этом касании все же смущало, что-то делало его особенным, ни на что непохожим. Возможно, все дело в том, что у людей на коже в области губ сконцентрировано огромное количество нервных окончаний, и потому даже обычное касание воспринимается так остро. Стоит объяснить Кайвиру эту анатомическую особенность людей, дабы он в будущем не повторял подобных контактов.

Между тем Кайвир наконец-то оторвался от моих губ.

— Какой-то обычай? — как можно более спокойно поинтересовалась я. Кайвир смотрел на

меня так, словно не понял сути моего вопроса. — Это прикосновение, — я дотронулась пальцами до своих губ, — оно что-то значит? В нем же, как я понимаю, заложен какой-то смысл? Кайвир с минуту настороженно смотрел на меня, но потом все же утвердительно кивнул. Тогда я решила все же развить тему и понять до конца не известный доселе мне обычай:

— Так что ты вложил в это прикосновение? Что оно значит? — Вопрос вроде простой, но уж больно озадаченным выглядит Кайвир, если я правильно поняла его мимику.

— Что вложил? — Голос «черта» прозвучал как-то непривычно глухо. — Любовь. — Слово было для меня новым и потому совершенно непонятым. Интуитивно я понимала, что момент не самый подходящий для уточнений. Я и так почему-то чувствовала себя так, словно в чем-то провинилась перед Кайвиром. Между тем Кайвир как-то странно смотрел на меня, словно чего-то ждал. Чего? Может, я тоже в ответ должна что-то сделать? Здесь, наверное, тот же принцип, что и с приветствиями: с тобой поздоровались — ты тоже приветствуешь знакомого в ответ. Да и Дорозо ведь говорила, что если смысл какого-либо бытового проявления вежливости тебе не понятен, просто повторяй за собеседником. Ну что ж...

То ли Кайвир уже устал ждать от меня ответа на своё «приветствие», то ли я действительно что-то напутала, но когда я вдруг прижалась своими губами к его, он как будто сначала даже дернулся от меня, но потом... Наверное, я и впрямь что-то не поняла в этих обычаях. Почему-то ответное «приветствие» затянулось и произошло это вовсе не по моей воле. Когда Кайвир после небольшого замешательства пришел в себя, он начал странно себя вести. Почему-то он решил не ограничиваться физическим контактом посредством губ. Я вдруг почувствовала, что мои плечи обхватили огромные руки. Расстояние между мной и Кайвиром стремительно сузилось. Одна рука плавно перетекла мне на спину и не дала отстраниться, как только я было попыталась это сделать. Вторая же рука, не знаю каким образом, оказалось в моих волосах, мгновенно растрепав недавно причесанные волосы. Да и губы... Это совсем не было похоже на то первое прикосновение Кайвира. Как это назвать, я просто не знаю... Я была растеряна, я совершенно не понимала, что происходит. Кайвир вел себя странно, он словно обезумел. Ему словно стало необходимо как можно сильнее прижаться ко мне, словно я была единственным, что имело для него значение в данный момент. Он словно не мог оторваться от меня. Все происходящее казалось мне каким-то нереальным. Я словно кукла висела в руках «черта» и не делала ничего, чтобы освободиться. На меня напала какая-то непонятная слабость. Нет, не такая как при болезни. Когда болеешь, силы покидают, а тут я наоборот чувствовала, что во мне закручивается какая-то пружина. Я не могла и как будто бы не хотела что-либо делать. Мысли путались, хотя тут, наверное, все дело в недостаточной оксигенации мозга: во время «приветствия» дыхание сбилось, мне казалось, что я забыла, как дышать.

Не знаю, сколько это длилось, но когда Кайвир вдруг резко оторвался от моих губ, я поняла, что и у него имеются кое-какие проблемы с дыханием. «Черт» тяжело вдыхал. Казалось, ему не хватало воздуха. Но, несмотря на пока что безуспешные попытки восстановить дыхание, он не отрывал от меня глаз, словно пытался что-то во мне разглядеть. Я же видела его лицо как будто сквозь какой-то туман. Вокруг все вращалось. Как бы между прочим я почувствовала, что он все ещё удерживает меня руками, причем одна из рук черта поглаживает мое плечо.

— Я тебя люблю, — слова Кайвира прозвучали просто оглушающе в этой тишине. Я не знала, что нужно отвечать, что вообще нужно реагировать на его слова. Я молчала, но мне казалось, что возможно он и не ждет ответа. Как будто Кайвир сказал это просто, просто чтобы сказать. Чтобы это прозвучало, и не важно, пойму ли я, что это значит. Просто я должна услышать. И я услышала. И надеюсь, через какое-то время я пойму, что это значит.

Сейчас моя жизнь на Земле кажется мне чем-то далеким и нереальным. Словно до встречи с «чертями» я спала и видела какой-то бесконечный тоскливый сон. А ведь если подумать, то тогда я не жила, я действительно спала. И проснулась я только на корабле эсхорцев. Или же нет, постойте, я проснулась в тот момент, когда очнувшись после атаки на наш город, впервые увидела Кайвира. Тогда на Земле среди руин моей тюрьмы я впервые по-настоящему проснулась. Но действительно жить я начала только когда услышала то самое «люблю». Тогда я действительно не совсем понимала, что именно сказал мне Кайвир, но интуитивно я почувствовала, что это навсегда изменит мою жизнь. Так и произошло.

Я ничего не спрашивала и даже не возражала, когда Кайвир объявил всем на корабле, что я теперь его керьолли (избранница). Этот новый статус обеспечил мне уважение среди эсхорцев не только на корабле, но и в Жилоре, столице Эсхорской империи. По прибытии Кайвир всюду появлялся со мной, дабы утвердить меня в новом статусе. Как ни странно никто не высказывал неприязни. Конечно, присутствовала толика любопытства: еще бы, другая раса, странная внешность, рыжие волосы... Да, пожалуй, мои волосы произвели наибольший фурор. Вот тут я оценила сдержанность «чертей» с корабля. Вот уж не знаю, что их тогда удерживало, возможно, то было особое распоряжение Кайвира, но во время путешествия я не сталкивалась с таким количеством вопросов по поводу своей внешности. По прибытии в Жилор, я боялась, что мои волосы повыдергивают на сувениры: отовсюду к моим волосам тянулись руки, чтобы потрогать локоны необычного цвета. К счастью, волосы все же остались при мне, хотя теперь я каждое утро замечая, что с моего гребня пропадают оставшиеся между зубьями волоски.

Прибыв на Жилор, Кайвир сразу объявил, что жить я теперь стану в его доме. Он тут же привел несколько доводов, показавшихся мне не лишены смысла. Во-первых, он несет за меня ответственность, так как именно им и под его ответственность было совершенно изъятие землянки № 1027 с ее родной планеты. Во-вторых, для успешной адаптации в новом социуме необходимо присутствие кого-то из уже знакомых индивидов. И нет, сразу нет! У Дорозо и Борнуса жилищные условия не позволяют разместить у себя лишнее лицо, в то время как у него (у Кайвира) свободной площади и удобств более чем достаточно для комфортно размещения как минимум еще десяти новых лиц. И в-третьих, я теперь его керьолли...

— ... и я теперь тебя никому не отдам. Теперь я с тобой буду всегда и везде. Когда-нибудь ты это поймешь и оценишь, ведь я тебя люблю.

Что ж, быть может, Фузий был прав, и я действительно больше робот, чем живое существо. Но в таком случае я какой-то неправильный робот, потому что когда я слышу, как Кайвир нежно шепчет «люблю», мое сердце сначала замирает, а потом начинается быстро-быстро биться в каком-то сумасшедшем ритме. И быть может, мой милый «черт», когда-нибудь в ответ на свое очередное признание ты неожиданно для самого себя услышишь пока что еще робкое и очень тихое «люблю».